

№ 16
Июль 2000 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

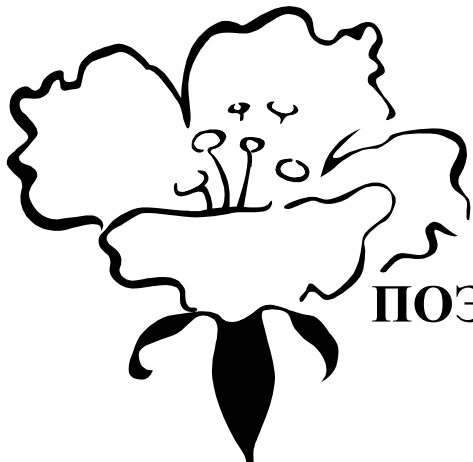

*Ухтинский клуб любителей фантастики
“14 тигров и 6 шакалов” и журнал “Ухта ли-
тературная” приветствуют*

Московский Клуб Любителей Фантастики

и поздравляют его

с 20-летием!

ПОЭТУ ИГОРЮ НИКОЛАЕВИЧУ ТЕРНОВСКОМУ 70 лет!

Настоящий поэт – это тот, который пишет и много и хорошо.

Игорь Терновский прирожденный поэт, из которого сыплется мудрость, как из безразмерной торбы. Есть в его стихотворениях то, что проникает в душу, тревожит и мучает, заставляет напрягать волю и сознание.

Мы с ним в журнале “Ухта литературная” как Ильф и Петров, как братья Гонкуры.

Нобелевская премия и премия Букер ждут его!

Я поздравляю своего соредатора с юбилеем, искренне желаю ему полноводной реки здоровья, бесконечного водопада идей и продолжать радовать новыми удачами в поэзии!

===== Алексей МИЛЬКОВ

* * *

Ярославское шоссе,
утром ранним
я вхожу в тебя, как все,
я — твой странник.
Только ты не обессудь,
что, усталый,
я стремглав тобой несусь
сквозь подставы,
сквозь погосты и кремли,
сквозь часовни,
для отеческой земли
невесомый.
Прямиком меня сквозит
в сизом блеске.
Только сердце тормозит
в перелесках,
зацепляет за кресты,
тянет в поле:
задержись, куда же ты,
чуждый, что ли!
Не тебя ли ждут назад
с поля брани
чьи-то грустные глаза
сквозь герани?..
Мимо, мимо.

Недосуг
влезть в исконность.
Словно черти нас несут –
гонит скорость.

Гонит искрами во тьме
как из печки,
мимо церкви на холме,
мимо речки,
мимо женщины в тоске,
ошалелых,
на ревушем горбунке,
в шлемах белых,
на железном рысаке,
полном чада...
Что-то ждет нас вдалеке,
что-то надо.
Мы – разогнанные в цель,
как частицы.
Что-то,
выше всяких цен,
мимо мчится...
Торможусь в твоей красе
в изумленьи.
Ярославское шоссе,
я – твой пленник.
Так держи меня, неси,
сколько силы,
мимо рдеющих осин
в глубь России.

Игорь Терновский

“ПОСЛЕДНИЕ 2 ГОДА НАБЛЮДАЕТСЯ ПОВЫШЕННЫЙ ИНТЕРЕС К ФАНТАСТИКЕ...”

Фантастика — это чрезвычайное явление в новейшей литературе (хочется сказать — истории). Разговор о ней лучше вести от первых лиц. Сегодня гость нашего журнала председатель Московского Клуба Любителей Фантастики (МКЛФ) Евгений Николаевич Птухин.

В центре председатель МКЛФ Птухин Е.Н.

— Ухтинский клуб любителей фантастики “14 тигров и 6 шакалов” и журнал “Ухта литературная” приветствуют Московский Клуб Любителей Фантастики и поздравляют с 20-летием! Евгений Николаевич, вы председатель МКЛФ, расскажите о его структуре.

— В декабре 1999 г. Московский Клуб Любителей Фантастики отметил 20-летие своего официального существования.

МКЛФ существует на общественных началах, как объединение людей серьезно относящихся к НФ публикациям и считающих своим долгом высказывать суждения по данному вопросу. Наверное, потребность в общении с единомышленниками позволила клубу продолжать регулярные заседания и после развала Общества книголюбителей, в состав которого мы когда-то входили. Последние 7-8 лет заседания проводятся в помещении Центральной библиотеки № 122 ЮВО.

Программа заседаний соблюдается довольно условно, за исключением тех заседаний клуба, на которых присутствуют приглашенные гости: писатели, издатели или члены других объединений. От официальной регистрации клуба мы давно отказались.

— Почему МКЛФ организовался именно 20 лет назад?

— Многие члены клуба знали друг друга и раньше. Попытки организовать клуб в “застойное время” встречали серьезное противодействие со стороны государственных структур. Но любители фантастики, не смотря на жестокую цензуру, всегда находили возможности знакомиться с лучшими произведениями фантастики.

Московский Клуб Любителей Фантастики был официально создан 20 лет назад. В те времена это было своеобразной возможностью пообщаться с единомышленни-

ками, получить информацию о последних публикациях, встретиться с любимыми писателями. Энтузиазма было больше, чем возможностей. Почти все ведущие писатели-фантасты попадали в диссиденты, поэтому созданию клубов активно препятствовало тогдашнее КГБ. В объединение клубов входило более ста участников со всей территории СССР.

— Просто так грибы не растут, отчего появились грибы под названием “КЛФ”?

— Причину появления клубов любителей фантастики (КЛФ) объяснить очень сложно. Может быть потому, что в застойные годы объединения фэнов¹ находились под пристальным наблюдением КГБ и других идеологических структур. Вся история российской фантастики складывалась на редкость драматически, но это, как раз, имеет четкое объяснение в партийной принадлежности советской литературы.

— КЛФ играют объединяющую и консолидирующую роль для людей?

— Дефицит личного общения — одна из главных причин встреч на заседаниях клуба. На наши встречи может прийти любой человек, если это ему интересно. Коммерческими вещами не занимаемся.

В бывшем СССР было больше 160-ти КЛФ и они имели свой совет. Сейчас большинство клубов распалось. Общение фэнов происходит, в основном, по Интернету или при проведении ролевых игр. Мы уверены в том, что КЛФ будут появляться вновь и будут оказывать значительное влияние на качество и объем издающейся фантастики. Будут проводиться демократические фестивали фантастики, такие как “Аэлита” в Екатеринбурге,

¹ Любители фантастики.

будут чаще проходить встречи читателей с писателями и издателями.

— **Какую общественную работу ведет МКЛФ?**

— Наш клуб в течение многих лет поддерживает тесные связи с издательством “Армада”. Мы обсуждаем все издательские серии фантастики. Мнения членов МКЛФ учитываются при составлении серийных изданий. На часть рукописей даются рецензии, рецензируем рукописи новых авторов, помогаем в составлении издательских программ. По наиболее интересным новинкам фантастики проводятся обзоры.

В погоне за читателем некоторые издательства снижали требования к литературным произведениям, многие из которых граничат с графоманией. Возникает много вопросов о литературном качестве произведений и их корректуре. Эти вопросы являются предметом рассмотрения на заседаниях клуба.

— **Кто из высоких гостей посещал ваш клуб?**

— На фотографиях мэтр фантастики Гарри Гаррисон. В нашем клубе также бывали В.Д.Михайлов, Кир Булычев, Эдуард Геворкян, Евгений Гуляковский и многие начинающие писатели.

— **Расскажите о других клубах любителей фантастики?**

— Интерес читателей к фантастике можно объяснить, как своеобразную отдушину из плена соцреализма или как безотчетное бегство от реалий холодной войны и перспективы ядерной катастрофы.

Были времена, когда объединение КЛФ насчитывали более сотни клубов на всей территории бывшего СССР. Но грянула перестройка, и большинство клубов распалось, а его члены ушли в коммерческие структуры. Но одновременно появились новые формы общения фэнов: сайты в Интернете, ролевые игры, различные фэндомы². Активно работающих КЛФ в России осталось крайне мало, 10-15 клубов. Клубы стали малочисленными по составу.

— **Будущее КЛФ?**

— Последующие годы резко сократили количество клубов фантастики и почти все фэны стали профессиональными писателями или пошли в коммерческие структуры. Только в последние 2 года наблюдается повышенный интерес к фантастике.

Члены нашего КЛФ считают, что у клубов есть будущее. Насыщение рынка полиграфической продукцией неизбежно приведет к разделению читательских интересов и их объединению по клубам. Во многих странах Европы наблюдается повышение интереса к книгам. Главными конкурентами остаются компьютерные технологии.

Вопрос о воссоздании объединения КЛФ периодически возникает. Но, очевидно, мы к этому еще не готовы. Как заметил в одном из своих писем ко мне, известный екатеринбургский фэн и библиограф И.Г.Халымбаджа, теперь, к сожалению, уже умерший... “КЛФ имеют тенденцию распадаться, но неизбежно возникают вновь...”

Поэтому будем смотреть на все с оптимизмом. Если есть фантастика, то всегда будут и поклонники этой литературы.

— **А, в целом, фантастики?**

— Современная фантастика является частью литературного процесса, многие писатели используют фантастические приемы для выражения своих идей. Первоначально фантастическая литература занималась популяризацией научно-фантастических идей, перемежающихся незамысловатыми приключениями, в результате в советский период появилась фантастическая литература “ближнего прицела”, характерным представителем которой был В.И.Немцов.

На мой взгляд необходимо в учебную программу Колледжей включить, хотя бы факультативно, краткий курс фантастики. В детской энциклопедии “Русская литература — 20 век” издательства “Аванта плюс” такие данные уже есть.

— **“Ветер перемен”, “Галактика”. Каких только названий нет! Вот у нас “14 тигров и 6 шакалов” по названию вышедшего в Ухте сборника фантастики. Первый в СССР КЛФ? Случайно, не московский?**

— Сейчас уже нельзя точно ответить, где появился первый КЛФ. Знаю только, что старейшие клубы — это екатеринбургский “Радиант” и московский МКЛФ.

— **Есть ли подобные клубы в США?**

— В США клубы любителей фантастики имеют свою, весьма богатую, организацию. Они входят во “Всемирный фантастический конвент”, который регулярно проводит съезды любителей фантастики. На них определяются номинанты на премию “Хьюго”.

Присуждение таких премий означает миллионные тиражи и огромные суммы доходов. Поэтому эти клубы охотно поддерживаются многими бизнесменами.

— **В США есть какая-нибудь профессиональная ассоциация писателей-фантастов?**

— Писатели-фантасты США объединены в “Организацию писателей-фантастов Америки” (SEWA) с 1965 г. Каждый год прямым голосованием они присуждают лучшим произведениям премию “Небьюла”.

— **Насколько я знаю, есть пять направлений: обычная НФ, фэнтези, хоррор, киберпанк, альтернативные миры. Может вы еще какие добавите?**

² Объединения фэнов.

— В современной фантастике существуют следующие направления: сайнс фикшен, хоррор, киберпанк, альтернативная история, юмористическая фантастика. Научная фантастика существует и сейчас, хотя таких произведений пишется очень мало. Самые многочисленные книги — это фэнтези. Киберпанк как таковой, просуществовал очень недолго. Многие ученые-историки стали известны произведениями в стиле альтернативной истории.

— Кир Булычев представитель какого направления? В каком он не написал ничего?

— Наш известный писатель Кир Булычев, профессиональный историк, удачно выступает во всех направлениях фантастики, кроме киберпанка.

— Я не знаю ни одного читателя, прочитавшего до конца сагу о Конане Варваре. А вы знаете? Возможно, такого читателя не существует?

— Я знаю, по крайней мере, одного — моего заместителя по МКЛФ Соколова А.Н. В его библиотеке есть все издания фантастики за последние 10-15 лет.

— Фантастика — это зов не просто дальних странствий, а запредельных дальних странствий. Такое было вчера. А сегодня?

— Вступая в 2000 год, хочется подвести итоги и ответить на многие вопросы: и прежде всего — что нам дает фантастика. Двадцатый век в России был отмечен неугасающим интересом читателей к фантастической литературе. Произведения таких писателей, как Жюль Верн, А.Лори, Г.Уэллс, Рони Старший по мере выхода на языке оригинала, тотчас переводились на русский. Современная российская фантастика появилась значительно позже. Для читателя фантастических произведений возможно все. Настоящий писатель-фантаст, подобно волшебнику, приводит нас в мир неограниченных возможностей, смело вторгается во все области человеческого бытия.

— Роль фантастики в современной литературе?

— Сегодняшняя фантастическая литература прочно вошла в мировую культуру. Перед ней стоит целый ряд сложнейших вопросов, которые не может решить обычная литература. Это, прежде всего, дальнейшие пути и цели развития человеческой цивилизации. Именно писа-

тели-фантасты должны дать новые идеи и предостеречь от будущих ошибок.

— Чем вы докажете, что фантастика является частью мировой литературы?

— Фантастика является частью мировой литературы несомненно. В отличие от обычной литературы, фантастика или заглядывает в будущее, или ставит на своих героях очередной эксперимент. Иногда фантастические произведения становятся событием в мировой литературе, вызывают огромное количество подражаний. Говард придумал Конана, его друзья продолжили цикл, и уже почти 70 лет разные авторы продолжают эту тему. Фильмы о Конане принесли известность Шварценнеггеру. Их и сейчас можно увидеть по телевизору.

— Как поддается экранизации фантастика и в чем на ваш взгляд сложности?

— Основной сложностью экранизации фантастических произведений, на мой взгляд, является отсутствие заинтересованности в среде кинематографической элиты. Громкие успехи таких фильмов, как “Звездные войны” Лукаса, “Одиссея 2001 года” Кубрика, ставшими культовыми фильмами в США, объясняются точным попаданием в подсознательную потребность тогдашнего общества. Через несколько лет эти фильмы потеряют свою актуальность.

— Ваш мировой и российский рейтинг-лист писателей-фантастов?

— Часто задается вопрос, кто из современных писателей-фантастов входит в десятку лучших? В отношении зарубежных авторов мои вкусы совпадают с присуждением премии “Хьюго”. В отношении русскоязычных авторов — это прежде всего: Сергей Лукьяненко, Н.Перумов, Г.Л.Олди, Андрей Валентинов, Роман Злотников, Андрей Белянин.

— Вы можете сейчас сделать обращение. К кому вы обратитесь?

— Пользуясь случаем, от имени всех членов МКЛФ, поздравляю КЛФ во всех городах и Ухтинский в том числе с вступлением в 2001 год. Желаю здоровья, прочесть много хороших произведений НФ и на ее страницах сделать новые увлекательные открытия.

Интервью взял Алексей Мильков

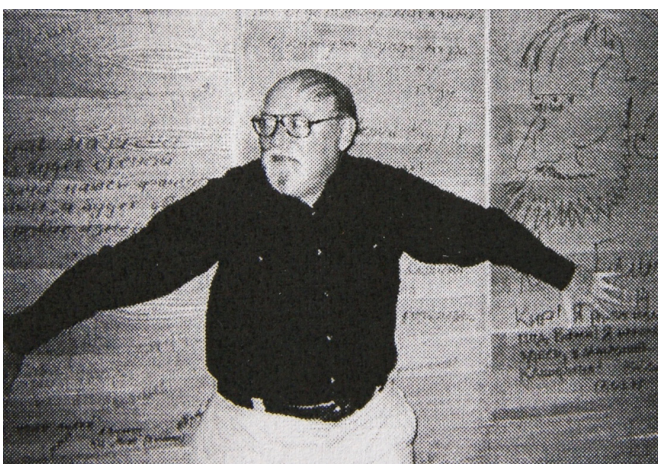
С наилучшими пожеланиями!

Евгений Птухин

На очередном заседании МКЛФ

Адрес клуба: 111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 20, Библиотека № 122, МКЛФ

В МКЛФ встреча с мэтром мировой фантастики Гарри Гаррисоном

Алексей МИЛЬКОВ

ДРАМА В КОСМОСЕ

(научно-фантастический рассказ)

В то утро – какое в глухом космосе и в летящем на субскорости звездолете-исследователе утро? – Звездинцев мурлыкал песню. Он хорошо отоспался за ночь – опять же, какая в глухом космосе и в летящем на субскорости звездолете-исследователе ночь? – и всё благодаря жене Гуле – опять же, какая в глухом космосе и в летящем на субскорости звездолете-исследователе жена?

Жена!

А если меньше, чем жена?

А если больше, чем жена?

Были сомнения и была почва для них. И вот почему.

Гуля прошла в ночной рубашке в командирскую рубку. Из динамика прорывалась чужая речь – эфир был забит.

– Боже, что за турнир – дикая дивизия! Нарушение формы одежды! – ужаснулся Звездинцев. – Вы бы немного приоделись, лейтенант Звездинцева, а то... знаете... этот... затрапезный вид: бантики, рюшечки, оборочки и прочие финтифлюшки... – Он обнял Гулю и долго со вкусом мял ее податливые для лепки губы.

Его официальный тон не возымел действие.

– Паша, – Гуля немного отдышалась от поцелуя. – Ну, кто еще может узнать про нашу личную жизнь? – Ее задели слова мужа, и обиделась она не на шутку.

Звездинцев снова обнял жену.

– Дисциплина прежде всего. И в командирской рубке впредь не называй меня Паша. Ладно?

– И на всем корабле?

– Желательно.

– Есть, товарищ командир! – отчеканила она, и ее рука машинально чуть не отдала честь у пустой головы.

– Мы ведь не просто какие-то рядовые исполнители, – напомнил Звездинцев.

– Инженеры Службы планетных исследований – это звучит гордо! – звонко отозвалась Гуля.

Они влюбленно посмотрели друг на друга. Звездинцев снова принялся выделывать сложные фигуры из губ Гули.

Семейная пара в космосе, пусть в чём-то примитивная, но всё же самая приемлемая, самая прогрессивная форма существования белковых тел, позволяющая легко переносить любые тяготы жизни. Да, в целом, работа космоисследователя скучна и монотонна, если взять во внимание длительный характер полета, и большей частью нудная, как дежурство на дальней метеорологической станции. Тут нужно иметь железные нервы. Но, что еще надо молодой паре, когда быт и отдых налажены основательно? Штурманы, картографы, космогеологи в одном лице – все-таки это было интересно!

Гуля села на колени Звездинцеву, устремившего свой взгляд на экран с проплывавшими блестками метеоритов. Левый край экрана светлел от проплывавшего вот уже две недели стороной светила.

– А вообще, мне надоело выслушивать ваши указания, товарищ командир, – неожиданно сказала она.

– Это почему же?

– Не нравится твое отношение – мы, прежде всего, муж и жена, а потом коллеги по работе.

“Может наоборот?” – задумался Звездинцев. Ситуация была сложная, запутанная и вместе с тем простая и разрешимая.

– Время сейчас на часах какое? – спросил он.

– Восемь тридцать по галактическому темпоралу, – ответила Гуля.

– Ты должна быть на работе во сколько?

– В восемь.

– Почему опаздываешь?

Удобно расположившаяся на коленях Звездинцева Гуля ответила вопросом на вопрос.

– А это как называется?

– Что – это?

– Твои обжимки и поцелуи на рабочем месте?

– А что в них плохого?

– Если ты мой муж, значит, тебе все позволено? Так?

– Согласись, у нас не служебный роман.

– Тогда как же твоё постоянное заигрывание должностного лица с подчиненным... А если точнее, трактуемое, как сексуальные домогательства на службе. Если твое начальство узнает...

Звездинцев растерялся.

– Все равно, – сказал он, – предупреждаю, чтобы это опоздание и нарушение формы одежды было в последний раз, или я возьму с вас объяснительную, лейтенант Звездинцева.

– А вы не гоняйтесь за всеми юбками на работе! – возмущенно отреагировала Гуля.

– Извини, только не пиши докладную.

– А ты не требуй тупого исполнения устава.

Звездинцев был в нерешительности, он почти махнул на все рукой, но в последний момент сурово сказал:

– Дисциплина – есть дисциплина. Это касается всего личного состава, прежде всего вас, лейтенант Звездинцева.

Через два часа Гуля явилась, как положено, в военнокосмической форме со шваброй в руке.

– Так-то оно лучше, – миролюбиво пожурил муж и хотел снова обнять, но руки только поправили берет на голове Гули.

Но она отстранилась.

– Выйди, я приберусь. Ишь, намусорил.

– Тон, где твой нежный тон? – удивленно спросил он.

– Я уже переделала массу дел.

– Каких?
 – Перемыла полы, вытерла пыль, наблюдения занесла в журналы.
 Звездинцев недовольно пробурчал под нос:
 – Я поставлю тебе памятник.
 – За что?
 – За то, что ты главный человек на корабле.
 – Откуда ты взял?
 – У тебя феномен уборщицы.
 – В чём он заключается?
 – На производстве всякая уборщица выше начальника, потому что может сделать ему любое замечание, а он ей – нет.
 После обеда Гуля вошла в рубку и закрыла увлеченному мужу глаза ладонями.
 – Как ни зайду, ты все пялишься на экран.
 – Такая специфическая работа, – ответил Звездинцев.
 Гуля сделала мечтательное лицо.
 – Хорошо устроился. Неплохо быть командиром.
 – Должность не дается так просто, – предупредил он.
 – Я бы твою должность сократила.
 – Ну-ну, пусть попробуют, – усмехнулся он.
 Гуля оказалась вещуньей.
 Неожиданная телеграмма застала Звездинцева за проверкой средств безопасности. Сигнальная система, огнетушители и скафандры были в полном порядке, шлюзовая камера давала надежную герметизацию
 “Мы вас с программы снимаем...”
 Начало текста насторожило, а дальше было не совсем понятно.
 “...в связи с новой стратегией предприятия, осуществляющего переход всех служб на деятельность, связанную с ресурсо-сберегающими технологиями...”
 Неожиданно и без объяснений.
 – Как же так?.. – Звездинцев срочно взялся за связь.
 – Это не сворачивание программы, а ее удешевление в рамках новой экономической политики, – объяснили ему.
 – А как же мои заслуги и накопившиеся наработки?
 – У нас много специалистов, в настоящее время оказавшимися невостребованными кадрами.
 Звездинцев хорошо знал гражданские законы, но тут растерялся. Почему из двоих выбрали, именно, его?
 Вызванная по системе связи Гуля прибежала немедленно. Она почувствовала в голосе мужа страх и возбуждение.
 – Мы оба, я и ты, молодые? – спросил он.
 – Да. В некотором роде... – стусевалась она.
 – Стаж работы одинаков?
 – Да.
 – Вклад в науку тоже на равных?
 – Да.
 – Подмазать высшему начальству, как женщина, ты Гуля, не могла из глубин космоса?
 Гуля совсем смутилась.
 – Ну, да... в принципе...
 – Тогда почему я?
 – Что – ты?
 – Гуля, мне по космосвязи пришло уведомление, что я уволен с работы.
 – Временно? – не совсем поняла Гуля.

– Если бы...
 – Это сколько лет до окончания полета! – ужаснулась она.
 – Пятнадцать лет, – напомнил муж.
 – Это несправедливо!
 – Стране не важно, на ком остановить выбор. Видимо, на том, у кого нервы выдержать сообщение крепче. Значит, мои мужские нервы соответствуют нужным требованиям.
 – Ну и что? Не бери в голову. Проживем как-нибудь трудные годы.
 – Но работа есть работа, и она, тем не менее, служит хоть какой-то зацепкой в жизни, отдушиной в атмосфере закрытого объема корабля, подспорьем для души. А теперь как?
 – Произошла ошибка, – уверенно сказала Гуля.
 – Страна перед выбором. Надо полагать, у нее не хватает средств на содержание науки. Не иначе, – парировал он.
 – На чем ты основываешься?
 – Ты не задумывалась, почему, в довершении ко всему, наша работа с некоторых пор оплачивается с накоплением на счета и зарплата выдается только по завершении полета, а это усугубление в период взаимных неплатежей и задержек зарплат, когда ждать долгие годы, пока не облетишь свой сектор космоса в районе Сириуса.
 Гуля не представляла себе последствия такого развития событий их ухоженной жизни.
 – Все уладится, – начала успокаивать она.
 Звездинцев возмущенно захныкал:
 – Кто такой безработный в наше время, знает каждый. Это пария, это изгой самому себе, своим ближним.
 Ответа долго не находилось.
 Как все было прекрасно. Жена Гуля уже с самого начала полета позволила втянуть себя во всё, связанное с искусством семейного брака на дальних рубежах родины. Это достоинство у нее не отнимешь – как жена она была хороша во всех отношениях. Звездинцев ощущал на себе ее прилипчивое и временами неотлипчивое участие. Чисто по-житейски и к взаимному благу. Чисто по-женски она даже в какие-то моменты теряла контроль над собой во имя семейного счастья.
 Но не женскую респектабельность!
 Как теперь оказалось, в своей жизни она теряла всё что угодно, только не ее.
 Это он осознал сразу присутствием повеявшего вдруг от нее холодка. При такой сильной и мужественной руке, как у Звездинцева, Гуля чувствовала себя как за каменной стеной. И вот эта рука превратилась в культу.
 Сам Звездинцев понимал в настоящий момент, что он не представляет для жены ничего интересного, кроме обузы для работающей женщины, и теперь на свою скромную зарплату она должна была кормить лишний рот. Побывав на руководящих постах, Звездинцев считал себя неплохим психологом. Не надо быть простофилей, чтобы не видеть каждый день в глазах Гули постоянный укор: “как же так, на моей шее появился нахлебник!”
 Статус непонятно какой женщины стал и в самом деле приводить ее в ужас. Почва резко уходила из-под ног Звездинцева.

– Это мужчина должен содержать женщину, а не наоборот – не забывала она повторять при каждом удобном случае.

От былого благополучия роскошью осталась красавица-жена Гуля, в настоящее время гордость и опора семьи, ибо только она сейчас приносила в дом регулярный и ощутимый заработок. Звездинцев смотрел на жену со смиренным благоговением, учтивым подобострастием и великой надеждой.

Кажется, от этого Гуля и начала высоко задирать голову.

– Павел?! – В последнее время произношение его имени становилось все более грозным. На первых порах он чувствовал просто укоризну, теперь еще за этим следовало многозначительное молчание. И это было хуже всего.

Звездинцев терялся, он не знал, как вести себя дальше.

Больше того, с каждым днем все меньше оставалось от былого авторитета мужа. Красавица-жена заправляла не только на кухне и в подсобных помещениях, но и, святая святых, в командирской рубке. Она позволяла себе вольности вызывать Звездинцева среди дня и ночи и давать унижительные, более того, оскорбительные указания.

На этот раз он решительно заартачился:

– Как безработный по административной лестнице я не подчиняюсь никому.

Берет скосился на бок, хорошенькое личико Гули скривилось в гримаску, ее естество запротестовало:

– Милостивый государь, вы на птичьих правах, а поэтому извольте поступать так, как я скажу. Прежде всего, вам нечего делать в командирской рубке, более того не заходите в затрапезном виде.

В отместку, что называется любви... то тут пришли сплошные мракобесие и беспредел, несмотря на то, что муж строил масляные, ласковые глазки жене. У Гули – у той самой Гули, что некогда хвостом таскавшаяся за ним по знаменитым местам и кабакам, заглядывавшая когда-то в глаза с преданностью кролика по отношению к удаву, и исполнявшая любое, даже малейшее его желание, будь то в быту, будь то в светской жизни или в постели – у той самой Гули теперь нервно дрожали губки от недовольства.

– У нас ссоры всякий раз, – говорила она, – когда ты начинаешь приставать ко мне. Это уже переходит всякие порядочные нормы.

Почему-то Звездинцев еще не переставал удивляться, задавался вопросами, мучался сомнениями. Не нравился ее тон; но куда он годился, если не обладал достаточным влиянием?

– Что мне делать, Гулечка, как быть? – елеиным голосом спрашивал он. – Моцарт не выходил из нищеты, тем не менее, получал любовь и признание в жизни. Я же живой человек.

Гуля смотрела на него ненавидящим взглядом.

– Я не знаю, живой ты или не живой, но то, что ты не мужчина – однозначно!

– Я – мужчина! – попробовал он встать в обиженную позу.

И ошеломленно получил ответ:

– Настоящий мужчина – это тот, кто зарабатывает деньги!

– Даже, если импотент? – попытался он язвительно вступить в дискуссию, защищая честь своих собратьев по полу.

И получил очередную оплеуху:

– Даже если у него вообще нет мужских атрибутов!

– Ну, знаешь, дорогая!.. Я тебя не понимаю, – покачал головой расстроенный Звездинцев. – Какой-то по счету Людовик сказал: “Пока у меня остается подвижным мизинец, я – мужчина”. Бывали времена, когда не очень-то тебя прельщали деньги. Вспомни, ты студентка-первокурсница была в невестах, а я простой курсант, и тебя преследовала только одна неумная страсть выйти за меня замуж.

– Не помню. С годами старые приоритеты уходят, – вставила Гуля.

– Но все может измениться, полет закончится, – с надеждой в голосе воскликнул он. – И вот тогда ты поздно, но поймешь...

Гуля иронически смерила его с ног до головы.

– Это через сколько лет?

– Ты же знаешь, через пятнадцать, если все будет хорошо.

Звездинцев, действительно не узнавал собственную жену, целыми днями слонялся от безделья. Для привыкшего вкалывать трудового человека остаться без занятия – это катастрофа. Гуля преподнесла наглядный урок лодырю. Только сейчас он по-настоящему осознал, что мужик должен нести достаток в дом. Мужик без работы – это, конечно, мужик, но недееспособный мужик.

Звездолет медленно тащился по необозримому космосу и навевал тоску. Далекие светила были безразличны и холодны к его участи. Звездинцев часами смотрел в иллюминатор, страдал и философствовал. Он сравнил женщину с лужей, которую никогда не переплывешь, а бесправного мужчину... опять же с лужей, которую легко выпить.

Он в какой-то момент пал духом и заливал техническим спиртом горе, но Гуля отобрала ключи, а спиртное поместила в сейф.

До Земли оставалось еще много времени, а она устала кормить нахлебника. Эти странные, подвешенные отношения между ними, замешанные на любви и ненависти, длились еще какое-то время, пока Гуля окончательно не поставила ультиматум:

– Или зарабатывать или выметайся на все четыре стороны.

Он попытался воспротивиться:

– Да где я найду здесь работу в глухом космосе?

Но Гуля оставалась непреклонной:

– Где хочешь, там и ищи!

Она вытеснила его из спальной каюты на кухню. Но когда увидела, как он прожорливо поглощает продукты, не считаясь с положением безработного и невыплаченной зарплатой, ему нашлось место возле кессона. Основную часть суток кухня теперь была на запоре.

Двоем мужчине и женщине хорошо переносить тяготы жизни.

Но Гуля презрела эти прекрасные слова.

Пусть они так и останутся на ее совести, думал Звездинцев.

Ужас заключался в том, что сам он продолжал любить ее. Непонимание, исходящее от человека на которого рассчитываешь, и с которым некогда делил постель –

это опять же шекспировская трагедия. Теперь у него не осталось ничего и никого, кто бы принял в нем участие. Ему надоело участвовать в бездарно исполняемой симфонии ошибок. Достойные применения мысли он решил облечь в более конкретную форму. Он задумал способ, с помощью которого намеревался прервать свое полное отчаяния и унижительного существования положение. Может, хоть этим выдавит слезинку-другую из жены. Мысль о ней укрепила решимость Звездинцева. Раз любовь Гули со временем превратилась в безразличную терпимость, а потом и в ненависть – острую, значит...

Однажды он тайком пробрался в химлабораторию и уже представлял, как едкое вещество губительно щекочет его внутренние органы.

Гуля застала Звездинцева за странным занятием. Она определила это по специфическому запаху горького миндаля.

– Фу, мерзость! Ага, синтезируешь цианистый калий!

Звездинцев обомлел и попытался скрыть следы преступления.

– Я знаю, что ты задумал, – сказала она, насильно открыв ему рот и вложив туда какую-то нейтрализующую таблетку. – Продолжай, пожалуйста, если находишь нужным. Я не буду чинить препятствия, и настаивать на обратном.

Она величаво удалилась, небрежно помахивая бедрами.

Яд, раскрытый иллюминатор и он почти наполовину выплывший в открытый космос, ловивший ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды.

Но где-то не хватало чуть-чуть мужества – Гуля буквально за ноги оттаскивала мужа от опасного места.

Снова яд, раскрытый иллюминатор, слишком тугая, неподдающаяся бритве яремная вена.

Много крови – мало эффекта.

– Тряпка! – говорила Гуля, для которой мужчина все делающий вполсилы, наполовину, с кондачка окончательно потерял свой авторитет.

Звездинцев явно понимал, что, покончив с собой, ничего не добьешься. По “космосахе” на встречном корабле наверняка найдется озверевший бобыль и охмурит ее с голодухи, и она выйдет замуж. Такое угнетающее существование не могло продолжаться долго, и Звездинцев решил на крайний шаг. В душе у него вспыхнул огонек надежды, хотя он не хотел показывать его. Он решил сделать ход конем, уйти из мира сего не навсегда, а на время, но спасти семью от разрушения.

Он решил уйти в анабиоз.

Полет был еще долгим. Тем более, за безопасность корабля, штурманские способности жены он не беспокоился. Право каждого космолетчика на анабиоз не в ущерб основному производству, а безработному в этом случае все льготы.

Слышимость с Землей была безупречна. Связь закашляла, и стали различимы слова:

– Мы вас слушаем, “Сириус-384”.

И на просьбу голос стал строг и официален:

– Работу в ближайшее время не обещаем.

Итак, он согласовал свое желание с Землей и получил “добро”.

Женщины всегда какие-то странные! Вот и сейчас, узнав, Гуля почему-то сильно нахмурилась.

– Сначала развод!

– А где загс? Как вернемся домой, пожалуйста, – согласился Звездинцев.

Гуля ясно представила, что когда они прилетят на Землю, их примут за мать с сыном. Она внезапно содрогнулась от этой мысли. Ей будут говорить: “О! У молодой мамы такой взрослый, такой очаровательный и культурный сынище, с ним всегда приятно поболтать на возвышенные темы!” И ей каждый раз надо будет поправлять: “Он – мой муж, а не сын”. А ей будут, включаясь в словесную игру, отвечать: “Надо же?! Неужели? Парадокс! Ну конечно, вы супруги, это видно невооруженным глазом”, и каждый раз извиняться: “Какая с моей стороны непростительная, простите, я бы даже сказал (а), нелепая ошибка”. Или такой случай, который нельзя сбрасывать со счетов: она подойдет заплатить за платье, а ей скажут: “Ваш сын уже заплатил!” Паша вечно будет лезть во все дыры, путаться под ногами, будет вмешиваться не в свои дела. Глупые ситуации, когда ее брови каждый раз будут сходиться на переносице, отчего будущие морщины вокруг глаз станут глубже и длиннее, и от этого еще больше появится возрастная пропасть между ней и Звездинцевым, позабавят кого угодно, только не ее.

Это привело Гулю в бешенство. Крепко взяв мужа за плечи, она сказала:

– С какой стати? – в темных глазах жены вспыхнули электрические искры.

– Без загса ни в коем случае! – Звездинцев вырвался из ее рук.

Он рассеянно смотрел сквозь жену и печально улыбался, уносясь мыслями в заоблачность. И все же Гуля казалась прекрасной, и красота ее смертельно ранила его, и оттого сжималось сердце.

И эта улыбка больше всего вывела из равновесия Гулю.

– Смеешься надо мной? Издеваешься? Я не даю добро уйти в анабиоз.

– Но почему?

– В мои планы не входит разводиться с тобой или тебе позволить разойтись со мной. – Через каждое слово она сглатывала и слегка задыхалась, как будто ей мешала увеличенная щитовидка.

– В мои – тем более... – уже не оправдывался Звездинцев.

Гуля вытерла слезу.

– Ты даже не представляешь, какие сильные чувства я к тебе испытываю. Если тебе наплевать на меня, подумай хотя бы о будущих детях. Нам надо срочно, сегодня же, сейчас же, немедленно, сию минуту, повторяю, неотложно завести ребенка.

Звездинцев – Гуля не препятствовала – нежно обнял и поцеловал ее. Далекие светила снова стали отзывчивыми и горячими. Он согласился с доводами, пророчески сказав:

– Любая женщина, не просто способная, а напрашивающаяся зачать прекрасное существо, вовсе не эгоистка, и заслуживает от мужчин пристального внимания и глубочайшего преклонения перед ней.

От этих слов Гуля еще сильнее прильнула к Звездинцеву.

Он лепил всё новые и новые гиперболоиды из ее губ, вдвывая в них и выдувая из них новые образы, но

как-то машинально и безжизненно, и фигуры поэтому получались какие-то абстрактные. Сомнения уходили прочь вместе с последней ночью, отличающейся по нежности чувств и накалу страстей непревзойденным колоритом. К утру всё было кончено, он непоколебимо ушел в глубокий анабиоз, и счастливее человека не было во всей вселенной, а жизнь снова стала для него такой же прекрасной, какой была до этого злополучного полета.

На саркофаге светилась табличка:

КИЛЛЕРЫ

(научно-фантастический рассказ)

Улица Вторая Млечная была запружена людьми до предела, как звездами во вселенной, и выявить, тем более взять намеченную жертву было невозможно. Нейроном суммировал силы мозга в толпе и его зашкаливало от обилия нейперов³. Вечернее время и редкие прохожие больше подходили под основную стратегию, вот почему Боравский и Сахнин решили поменять дислокацию. Они на автомобиле отъехали от центра города и остановились на Большой Крабовидной. Руки Боравского настраивали прибор, а правая рука Сахнина сжимала холодную рукоять пистолета.

– Знаешь, куда мы попали? – заговорил Боравский, когда осмотрелся на месте.

– Вспомнил, – ответил Сахнин. – Где полгода назад мы распотрошили очередного гиганта мысли.

– Не подумай, что преступников всегда тянет на место преступления, – ехидно произнес Боравский и непроизвольно нажал на кнопку. Раздалось пронзительно-едкое повизгивание пилы.

– Всё что угодно, только не этот душераздирающий звук! – запротестовал Сахнин и зажал уши руками.

Они терпеливо ждали, просто ожидали на удачу человека, не важно какого типа, какого пола и возраста и с какой фамилией. Этого человека надо было чикнуть. За что, почему убить? Кто его знает? Не все ли равно? Каждому своё. Об этом не им думать, не им рассуждать. По одной небезынтересной причине. Хотя Боравский и Сахнин не из робкого десятка и не из числа любопытных. Отчасти за это их и ценят и приглашают на дело. И еще за то, что они не просто серийные убийцы, не просто мастера своего дела.

Надо только аккуратно всадить пулю в грудь незнакомому человеку. Не дай бог в голову, чтобы не испортить товар.

Противно?

Нет, не противно. Главное – полная свобода действий, и развязывание рук.

Неразумно?

Не глупее других занятий. Ремесло есть ремесло, не хуже всякого другого.

Ненормально?

“Прошу не морочить мне голову в течение ближайших пятнадцати лет!

Твой любящий муж, Паша!”

Пришло сообщение: “взять на борт три саркофага с вошедшими в анабиоз, кои доставить попутно до следующей станции”. Саркофаги сгрузили и поставили рядом со Звездинцевым. В одном, примыкая к нему, опочивала молодая девушка.

Гуля воспылала к сопернице ненавистью от ревности.

Скорее – рационально. Спрос порождает предложение.

Вульгарно?

Нет, не вульгарно. Есть товар, значит, есть покупатель.

Последнее, правда, смущало. Убийство! Несколько необычное. Когда-то им и в голову такое не приходило – прибегнуть к столь явному и кардинальному методу, как душегубство. Но иначе нельзя и цель оправдывает средства. Почему цивилизация так медленно движется вперед? Потому что мало талантов и, тем более, гениев. Один талант на тысячу посредственностей. Один гений – на сто тысяч талантов.

Уродливое соотношение.

Вопиющее положение вещей.

Теперь по-другому. Проигрывая в количестве, человечество, тем не менее, будет выигрывать в качестве, а это уже кое-что да значит, это наиглавнейший постулат в наше время, ради которого можно оправдать любое замысловатое действие и по ходу совершенствовать нравы не совсем разумного общества во благо лучшего будущего. Зачем тысячи Сальери, когда лучше иметь одного Моцарта. Самообучение и самопознание идут каждое своим путём, что, в общем-то, не обязательное условие. Зачем техника сверхбыстрого высокоусвояемого обучения, когда есть легкодоступное безграничное наращивание ума, как памяти в компьютере, при помощи...

Боравский еле остановил поток мыслей и несколько минут вдумчиво смотрел в точку, боясь упустить объект. Затем мысли сами собой продолжили ход.

Наращивание ума!

Средоточие Великого Чистого Разума!

Доступное только богатым и удачливым, и что обидно, кому оно, в общем-то, вовсе не нужно.

Можно все купить, если есть деньги. А если есть мозги? Это еще лучше. Ни в какое сравнение! Но деньги есть деньги. Они пока довлеют, подавляют, забивают мозги. Ситуация меняется на глазах. Деньги к деньгам, мозги к мозгам! Человеку всегда мало! И эти хапуги, крохоборы и жадюги бросились скупать мозги. Своих не хватает – подавай им чужие!

Ха, пилули с гормонами ума и информации!

Боравский перебирал в уме своих заказчиков. Отбоя от них с некоторых пор не было. Все с куринными мозгами. Деньги, деньги, деньги, мозги, мозги, мозги! – вот что только их заботило и интересовало.

Сапожники без сапог!

Долгий день шел к концу. Воздушные течения сновали вверх и свивали свои причудливые узоры вокруг

³ Нейпер – единица измерения силы мозга.

большого тополя, в двадцати метрах от которого стояла машина. Солнечное излучение менялось по мере движения потоков сгущающегося тумана. Набравшись дневно-го тепла, дерево дремало в привычном изнеженном полусознании – эта ночь, как и вчерашняя, обещала ему спокойствие.

Солнце клонилось к закату. Но вот вдруг его желтый свет, пронизывающий плотные слои атмосферы, стал приобретать серый зловещий оттенок от набегающих тяжелых туч. Мускулистые ветви резко поворачивались, следуя за уходящим потоком энергии. Дерево еще сонно, но уже судорожно начало сжимать почки, как грудных детей, пряча их от приближающегося холода, приноравливая теплообмен и испарение с листьев под ночной уровень излучения. Оно готовилось к непогоде. Ему вспоминалось теплое лето, далекое прошлое со свободным странствованием во флоре и мирное сосуществование среди зубастых врагов в фауне.

Стемнело и зажглись фонари. Поднялся первый ветер, сильным вихрем налетел на дерево, и мощные ветви, сопротивляясь, закрипели, а листья, обожженные первым холодом, шорохом выразили неудовольствие погодой и плотно прижались к гладкой коре.

Стрелка нейрона качнулась всего на чуть-чуть. Ноль-ноль-ноль какой-то процент шкалы. Прибор, направленный на тополь, говорил, что дерево какое-нибудь, а живое существо, более того – мыслящее, если показывало нейперы. А нейперы – это мозг. А мозг – это поток сознания.

Принимать серьезные меры было еще не поздно. Долго дремавший от беззаботного дня мозг дерева охотно вступал в противодействие с катаклизмом природы – и вот, наконец, мгновенно оценив ситуацию, дал команду освободиться от последней неги. Проявляя непривычную деловитость, он мобилизовывал все новые нейроны, соединяя их во взводы, роты и полки, а, почувствовав свою ответственность, эти воинские образования принялись за конкретную работу, возбуждая двигательные центры.

Зловещие волны атмосферного фронта шли в строгом направлении с северо-востока; влажность падала; внутреннее давление росло – вместе это означало ощущение близкой опасности и готовность противостоять непогоде. Мозг в дереве шевелился, волна дрожи бежала по всей необъятной кроне, стряхивая маленькие култышки первого снега. Дерево, прогоняя из себя последнее эйфорическое забытье, резко подняло активность веток.

Ни на что другое времени не оставалось. Дерево смутно осмысливало прикосновение холодного обжигающего воздуха, недостаток света, щекокущее движение молекул тающего снега, кислорода, углекислоты по коре и листьям. Тополь автоматически отзывался на все более сильные порывы ветра сознанием дискомфорта, упорядочивая и поворачивая нейроны так, чтобы каждое разумное решение не сбивалось в хаос и оставалось под нужным углом зрения к нуждам своих бесчисленных клеток.

– Погода все хуже и хуже, – зло высказался Сахнин, ежась и вытягивая шею к боковому окну.

Но Боровский знал дурные привычки Сахнина.

– В самый ответственный момент ты начинаешь сеять сомнения.

– Днем – солнце, а сейчас – бр-р...

– Запрещаю об этом думать! – объявил Боровский. – В машине тепло.

– Ну вот, и сказать ничего нельзя.

– Заткнись. На этом корыте командую я! – рявкнул Боровский, разозлившись.

– Торчу тут с одним психом.

– Опять недовольство? – усмехнулся Боровский. – С прошлого раза мало заработал?

– Получил нормально.

– От Монте-Карло еще не отошел?

Сахнин вздохнул.

– Отдыхать – не работать!

– А также от Минорки и Мальорки?

– Всё, в последний раз, и я навсегда брошу это проклятое ремесло, – решительно сказал Сахнин.

– Ты что, не совсем здоров? Вид какой-то бледный.

– Предстартовое волнение.

– У тебя каждый раз плохо восстанавливается совесть.

– С ней все в порядке.

– Какой бы ты ни был отпетый убийца, она должна быть всегда при себе, как показатель твоей нормальности.

– Не учи! – рявкнул Сахнин. – Меня угрызения совести не мучают.

– Побереги энергию, – оборвал Боровский. – С минуты на минуту она понадобится...

– Чтобы ею пренебречь...

Сахнин, сопя, прикладывал к мокрому лбу носовой платок.

– Тихо, не шебурши! – прикрикнул Боровский. – Мешаешь сосредоточиться.

– Справа идет человек, – насторожился Сахнин.

– Вижу! – процедил Боровский, не отрываясь от нейрона. Он отвел тубус от дерева и теперь направил его на новый, уже двигающийся живой объект.

Ум у того был средний. Но чего-чего, изображение настроечной сетки показало смещение в спектр повышенной честности. Даже слишком ее большой перебор. Боровский много видел таких честных лиц, которые казались ему недостаточно умными; много таких, которые были умны, но недостаточно честны; много таких, которые и умны и честны одновременно, но обладатели этих мозгов не были достаточно преуспевающими людьми. Другие, будучи богатыми в отношении мозгов, не производили впечатление баловней судьбы в отношении денег, а если и производили и были достаточно богатыми, то не походили на людей, у которых обязательно должны быть мозги, которые хотелось бы непременно экспроприировать, то есть отнять насильственным путем. Нет, честные мозги сегодня не в цене.

Нужны просто мозги – без наворотов.

Настало другое время. Теперь не надо быть большим психологом и определять личность по большому нависшему лбу, квадратной челюсти, по широким бровям. В прибор всё видно: у кого и какие и сколько мозгов, даже если черепная коробка своими размерами не соответствует содержимому.

Боровский сидел в автомобиле и мечтал о конкретном уме, о могучем и необъятном, несокрушимом, как гора, уме. Не с наличием честности, порядочности, доброжелательности и иже с ними, как примесь серебра только портит золото, а без них. Его надежды начали

оживать уже с первыми обнадеживающими прохожими и тем, что он и Сахнин не зря прячутся здесь и ждут хорошего донора с прекрасным материалом.

Приближался еще один торопливый прохожий. Прибор регистрировал, как у него мыслетечения свивали свои причудливые узоры в каждой половинке мозга, перетекая друг в друга; биополе менялось по мере движения нейронов в пространственном объеме головы; питательные молекулы плыли по капиллярам; нейроны чуть поскрипывали от работы трения друг о друга в мозговом мраке.

Примерно так же выглядел визуально мозговой ландшафт и следующего из прохожих.

– Вот этого паразита я бы замочил! – произнес Сахнин.

– “Само размышление еще не рождает мысли”, так сказал Гете, – остудил подельника Боравский и углубился в дальнейшее изучение объекта.

В этом мозгу, по сравнению с другими, в которых ему уже довелось побывать, оказался на удивление дефицит мыслей, а те, что имелись, носили какой-то нерельный, сбивчивый, параноидальный характер. Это был мозг человека, ежедневно и ежечасно ведущего войну со всем остальным миром.

Но и эта информация оказалась скудной, прерывистой и чуть ли не истерической по своему тону.

– Это не паразит, а паразитка! – воскликнул Сахнин.

К ним шла женщина, выскочившаяся неожиданно из-за угла дома, на ходу запахивая полы плаща, как им показалось на совершенно голое тело, но колготки в сетку были заметны. В какой-то момент Сахнин уставился на ее проблеснувшие трусики.

Это была женщина, лет под сорок. Лицо красивое, но какое-то изможденное. Нервное. Пропала бесследно ее горделивая стать. Что-то ужасно сиротливое было в ее вдруг сгорбившейся, поникшей фигуре. Она уже обреченно-косолапо загребала по тротуару своими ногами.

Прибор нарисовал кристаллообразную структуру в виде правильной формулы, только сбоку вид портили два шишкообразных радикала. Исходящая сильная аберрация от ревности мешала производить оценку мозга. “Нет, гормон ревности никому не нужен, – подумал Боравский, – даже самый гениальный”.

Женщина, раздосадовано взглянув на небо, вытащила из сумки зонтик, попыталась его раскрыть, но он не слушался – в нем что-то заело. Она в сердцах отшвырнула его куда-то в темноту и, подняв воротник плаща, медленно побрела, осыпаемая крошкой снега, как говорится, куда глаза глядят.

На третьем этаже в неясных сумерках раскрылось окно. Мужчина в майке высунулся наружу по поясу.

– Марина! Вернись!

Женщина шла не оборачиваясь.

Мужчина стукнул кулаком по жестяному карнизу.

– Марина! Я тебя очень прошу: не делай глупостей... Случилось, с кем не бывает... Это была старая подруга... Что ж теперь, нам с тобой разводиться?

Женщина быстро шла по тротуару в сторону центра города. В расстроенных чувствах она ничего не замечала вокруг – ее бил озноб скорее нервной природы.

– Ну и дура! – Одинокая мужская фигура с кулаком метнулась в окне в последний раз.

Боравский передернул плечами. Как нейроном был прав – это была ее борьба не на жизнь, а на смерть с мужем.

– Отставить! – сказал он приготовившемуся Сахнину. – Ты же видишь – она не в себе. Спроси сейчас у нее, куда идет, она не ответит, так как сама не знает, что ей надо.

– И в самом деле, почти ноль нейперов! – удивлению Сахнина не было предела.

Боравский тщательно взвешивал тот риск, на который они решились пойти. Нагрузка на возникшие в его воображении весы была слишком тяжелой. Это не просто кража со взломом, считающаяся тяжким преступлением. Если их схватят, им грозит на первый раз два года перевоспитания в пустыне на планете Притто. Они будут сажать петрушку на жаре, поливая ее своим обильным потом. Или на планете Океан, не имеющей суши, они будут страдать от избытка воды на трехкилометровой глубине, выращивая морскую капусту на вершине двенадцати тысячника в вечно черном безмолвии. Или на планете Земляничной в шахте под десятикилометровым слоем земли будут колупать платинородиевую руду. То, что они собираются совершить, было в тысячу раз отвратительнее изнасилования и страшнее простого греха убийства. На языке юристов это называлось “хищение интеллектуальной собственности в особо крупных размерах при отягчающих обстоятельствах”. И они это понимали.

Конечно, они приняли меры предосторожности. Они следили за подходами к этому узкому проходу на тротуаре, к которому к тому же можно было только незаконно припарковать машину; изучили, как свои пять пальцев, все маниакальные привычки прохожих. Нейроном выискивал среди них уникальные экземпляры с главным достоинством – имеющего своим мозгом неограниченный доступ к необъятному хранилищу Мирового Центрального информатория, как компьютера к Глобальной внешней сети.

Работая в медицине, Боравский приобрел кое-какие понятия о препарировании мозга. Перед тем как преодолеть брезгливость и стать нарушителем закона, он провел много времени за чтением книг и тренировками по овладению навыками трепанации черепа.

Мозги! Мозги! Мозги!

Из книг философов, еще студентом, он почерпнул главное, что однажды все мозги освободятся от пут и обретут долгожданную свободу. В границах черепа они стеснены, зажаты как в клетке, и что ведут молчаливую, подспудную борьбу за жизненное пространство. Не сегодня и не вчера, не в первый и не в последний раз возникает мозговое несоответствие между колоссально производимой умственной работой и мизерными, ограниченными условиями полезной площади, приходящейся на миллионы нейронов. Одной прогрессивной мысли о них, стремившихся к простору, их несвободе, было достаточно, чтобы понять, что ради освобождения нейронов можно пойти на всё. Это позволяло сосредоточиться на высокой идее и отбросить мысли о преступлении. Боравский стоял на макиавеллевских позициях, что преступление – это понятие относительное. Все зависит от цели, ради которой оно совершается. Если цель благородна, – в этом Боравский не сомневался – всякое действие хорошо.

Мозги! Мозги! Мозги! Леня напрягать серое вещество, изображая гениальность. Все словно ополумели. Это же надо, сегодня содержимое карманов меньше интересует, чем содержимое в головах! Урвать себе долю чужого мозга жаждет каждый добропорядочный гражданин, так что желание стало превращаться через массовый психоз в реальность.

Сахнин вынул руки в перчатках из карманов и проверил инструмент для вскрытия черепа. Ручная циркулярная пила противно взвизгнула, как только он ее включил на мгновение. Самая необходимая вещь. У них было право на владение и право на ее использование.

Подошел агент с размазанными мозгами по стенкам черепной коробки, что не помешало ему окончить в свое время университет и заняться не по профилю прибыльным делом. Такие хорошо знают, что своему мозгу они обязаны сами себе и меньше всего родителям.

– Вы действительно, сегодня настроены решительно, не так как в прошлый раз?

Боравский небрежно кивнул.

– Не извольте беспокоиться – промашки не дадим.

– Шеф добавляет сто лимонок, но чтобы был самый лучший вне кондиции мозг.

Шаркающие по асфальту шаги с той стороны тротуара заставили его отбежать от автомобиля, а их приготовить, и оглядеться в случае, если покажутся милиционеры. Боравский спросил себя, каким он предстанет в глазах прохожих с наручниками на руках, окажись с ним по бокам два амбала в форме.

На нелегальном рынке хороший мозг стоил целое состояние. Единственно, что было отвратительно, так это невозможность изъять мозг, как выпростать кошелек из кармана, чтобы без убийства, – все же Боравский придерживался определенных нравственных принципов.

Мозги не крадут как кошелек – их тщательно выкабливают до граммульки из черепных коробок, а ёмкость эта одноразовая, единовременная. После выбрасывается. Перекачка человеческого мозга со всеми его воспоминаниями и серым веществом из одной посуды в другую стала самой что ни на есть тривиальной операцией.

Он просто принялся мечтать о новой судьбе мозга, который сейчас воровал. Человек с коротенькой бородкой принесет ему обещанный чек и исчезнет. А затем, где-то в конспиративной лаборатории, мозг расчленият на множество частей, и он будет воспроизведен пилюлями и распространен, принимаемыми внутрь гормонами.

Боравский знал, что работает только из-за денег. Он выручит их достаточно, чтобы прожить безбедно в Монте-Карло остаток жизни. Но пока они не могли рисковать и оставлять явные следы.

До сих пор он поставлял на тайный рынок в основном порнографию. За нее хорошо платили, но риск не стоил тех денег. Другое дело – похищение мозга. За любой из них он получит настолько приличные деньги, что их сумма не будет поддаваться никакому дикому восторгу. Зачем смотреть на Аристотеля, Ньютона или Эйнштейна завистливыми глазами, если современные Ломоносовы топчутся рядом и провоцируют своим заложенным в себе несметным богатством, а покушающиеся на их богатство Тевтоны не жалеют денег?

По причинам, которые мало его интересовали, появилась целая когорта людей, на данный момент увле-

кающаяся идеей персонификации чужого мозга к будущему конкретному обладателю и создающая на этом целую производственную индустрию складывать из нескольких примитивностей вполне приличные, достойные уважения персональные мозги...

Мозг был распахнутыми дверями в другой мир, более мощный, более разветвленный, более развитый.

Боравский изучал старинные книги и почерпнул из них, что торговля мозгами уже бойко шла в двадцатом столетии. Он интересовался технологией, но этот вопрос оставался открытым. Подробных описаний нигде не было. Из богатого опыта распространителя порнографии он уяснил, что торговля мозгами была самой престижной и прибыльной над всеми другими видами трудовой деятельности. Он проштудировал несметное количество судебных хроник того времени, но как конкретно наказывали продавцов мозгами, так и не нашел. И слово “мозги” чаще всего печаталось в кавычках. Еще существовал термин “утечка мозгов” – видимо это было связано с неаккуратным выкабливанием их из черепов. Но почему закон позволял “утруску и усушку мозгов” в сознании граждан, если он силой утверждал уважение к ним? Как много вопросов, остающихся без ответа. Вот еще один: почему закон, объявляющий вне закона любого, посягнувшего на них, встает на защиту мозга, не имеющего собственных мыслей, собственных чувств, собственного достоинства, даже больше, чем в целом за самого человека?

Правильно, никто не должен ополшаться до убийства.

Но в данном случае уничтожается только тело, а самое ценное – мозг остается жить в людях и продолжает выполнять свои функции дальше, как главный рабочий инструмент, да еще в перспективных вариантах и в лучших условиях. Это как ребенок, который должен попасть только к тем благополучным родителям, которые могут его воспитать и дать образование. Такое положение вещей должно служить некоторым подспорьем и критерием тем законодателям, кто недопонимает, создает неправильные законы и печет их в ненужном количестве.

Не сегодня-завтра закон повернется как дышло... Боравский не слишком колебался, идя на нарушение его. Сомнения не должны доставлять неудобства, как не должно иметь место всяким неясностям. Следовало оставаться достойным в своих глазах и в глазах общественного мнения. На будущее. Быть достойным чего? Или, по крайней мере, считаться таковым. Уникальные мозги пробуждают в каждом завистливые, неясные движения души, смущение от их богатства и почтение к их философской глубине. Философское наполнение! Он и Сахнин уже не были просто любителями легких приключений, а профессионалами перераспределения разума, двигателями прогресса, несущими мозги в массы.

Цель в кожаном кепи появилась резко впереди, отчетливо обозначилась на фоне серого дерева.

– Спокойнее, – негромко произнес Боравский.

– Не каркай под руку, – обиделся Сахнин.

Мозг был снова некондиционным, и ему решили дать спокойно пройти мимо.

Боравский нырнул прибором в мозг нелоботомированного боевика, проществовавшего за своим шефом.

Боравский насторожился.

– Проклятье... Принесло легавого.

– О-ох!– заметался Сахнин и начал причитать. – Все пропало! Несдобровать нам!

– Замолчи! И чего ты вечно паникуешь, несчастный? – прикрикнул на него Боравский, уже понявший, что нелоботомированного лучше не трогать, пусть бы ему таким и впредь оставаться.

Внезапный свет ослепил находящихся в машине. Они инстинктивно вскинули руки, чтобы прикрыть глаза. По спине пробежала холодная дрожь. Боравский увидел себя на кончике пули, которую с мучительным грохотом выплюнет сейчас тяжелый пистолет.

Открылась дверца.

– Что вы тут делаете, господа хорошие?

Они почувствовали, как дрожь пробежала по их телам.

Боравский сжал кулаки. Он мог убить милиционера и взять у него мозги. Но лучше этого не делать – его нейроны несут экстрагент агрессивности и недоброжелательности, а их и так у каждого хватает, и на них нет спроса, соответственно, и покупателя, потому что засоряют и снижают качество мозга.

– Нет, – произнес он спокойно, – нет. Мы только остановились, чтобы припарковаться буквально на минуту. Ждем одного человека.

– Полагаю, – прогундосил милиционер, – что вам тут делать нечего.

Боравский согласно кивнул и пошевелил вдруг ставшими сухими губами.

– Сейчас отъедем.

– А это что за прибор? Он не запрещен Ассоциацией потребителей?

– Обычная видеокамера.

– В общем, стоять тут нельзя.

– Но, шеф... – Боравский пожал руку милиционера, и тот почувствовал в ладони хрустящую бумажку.

– Хорошо, полчаса в вашем распоряжении и чтобы духу здесь не было.

Кандидат на жертву выплыл в приборе справа со стороны Петровской улицы: длинное пальто, надвинутая на самые глаза шляпа, сутуло опущенные плечи. Шаги вязли в осенней мгле. Он прошел бетонную колонну – ростверк будущего фундамента и приблизился к дереву.

Пошел первыми крупными хлопьями снег, и стеклоочистители еле успевали сметать его. Еще сильнее повалил снегопад. Человеку под снегопадом было далеко от комфорта, а мозг его мгновенно оценил ситуацию и вот, наконец, зашевелился, охотно вступил в интенсивную работу и заставил человека поднять воротник.

Нейроном фиксировал, как мозг, доселе дремавший в привычном полусознании ленивой рассеянности, попав в необычную ситуацию, встрепенулся, волна дрожи пробежала по всей мускулатуре головы, стряхивая ненужное теперь благодущие, превращенное сначала в оцепенение, затем уже в задававшую тон настороженную активность.

Это говорило о многом. Глубоко в недрах сеть нейронов крепче сошлась в хороводе, интенсивно передавая информацию действующим исполнительным механизмам, и ноги сами несли обладателя под спасительную крышу.

Между тем, нейроном передавал картинку, что мозг оригинально трактовал природный катаклизм... как тему сексуальных извращений, садомазохистских и суицидальных фантазий.

Но эти абберации были ни в какое сравнение с тем, что показывал нейроном далее.

При приближении прохожего, его сила мозга увеличивалась не в арифметической прогрессии, как обычно, а в геометрической, чем у кого бы то ни было за все время существования человечества. А картина рисовалась следующая: его интеллектуальные способности были куда шире. Обычный человек редко использует даже треть возможностей своего мозга, этот же использовал почти сто процентов. Цифры ошалело прыгали вверх, показывая сумасшедшие нейперы. Мозг проступал своей грандиозной, чудовищной, неклассической активностью, Удивленно разинув рот, Боравский принялся рассматривать в приборе необычную комбинацию нейронов.

Вот это мозг, вот это силища!?

– Смотри-ка... – Для Боравского здесь было что-то необыкновенное.

И у сотни вместе взятых прохожих он не видел такого мощного натиска нейронов, и хотя они выглядели вычурно, несомненно, они были настоящими.

Боравский недоверчиво еще раз взглянул в нейроном: предполагаемые жертвы – личности весьма неординарные, но этот выделялся даже среди них разбуженной мощью мозга гения – интеллект интенсивно выпирал из всех пор.

– Слушай, Сахнин, прибор показывает на присутствие мозга уникальной мощности – двум-трем Эйнштейнам или пяти Опенгеймерам. Прибор словно взбесился. Разве такое возможно в наше время? Ну, понимаю, ноль три или ноль четыре Эйнштейна в одном, выше среднего, человеку, а тут сразу два с лишним? – удивился Боравский.

– Эйнштейн тоже не сразу стал Эйнштейном, – уклончиво успокоил Сахнин.

– Уникальный случай, грех отпустить такого донора, будем брать! – сделал знак Боравский.

– Ты любишь с такими возиться. – Сахнин двинул автомобиль навстречу снежным хлопьям.

Жертва шагала, тяжело переваливаясь; походка выдавала его почтенный возраст, тучность и состояние здоровья. Здоровье было ни к черту. Возраст пожилой. Но состояние мозга вызывало восхищение! Цветущее! Состояние гения в высшей фазе своего развития. Состояние сверхплотной насыщенности интеллекта. Приближалась глыба, матерый человечине. Глубоко под черепной коробкой сеть нейронов еще сильнее охватила структуру, передающую информацию в дополнение к той, что шла от рецепторов.

“А может это и есть будущий гений зла?” – зло подумал Боравский, вспомнив об изобретателях динамита и атомной бомбы, и эта мысль в подтверждении нужности очистительного акта успокоила его: “игра стоила свеч”.

Ослепленный светом мощных фар, прохожий снял шляпу и прикрылся ею. Выпущенная бесшумно пластиковая пуля сразила его наповал. Он еще падал, когда из открывшейся дверцы высунулись руки и втянули его в салон. На полном ходу автомобиля пронзительно взвизнула циркулярка, яркий свет лег на лицо мужчины.

Испарина покрыла лоб Сахнина.

– Да, это же наш бывший заказчик.

Боравский долго не колебался.

– Гони машину вперед! Деньги не пахнут...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ ВЛАДИМИРА БИГВИСТЕРА

(научно-фантастический рассказ)

Жизнь – наиинтереснейшая штука! Но презабавнейшая глупость...

Смерть – необходимая дарованная мудрость, дающая больше возможностей, чем жизнь.

Жизнь ведет к концу, а смерть к началу.

Эти постулаты подпирали Владимира Бигвистера и торопили в дальний путь.

Во-первых, Владимир Панкратович Бигвистер накопил больших жизненных сил за свои небесцельно прожитые восемьдесят лет;

Во-вторых, Владимир Панкратович Бигвистер научился чтить жизнь и не взирать на смерть свысока, ибо понимал, что с хорошим человеком не может случиться ничего плохого ни при жизни, ни при смерти;

В-третьих, Владимир Панкратович Бигвистер страстно желал себе жизнь и не хотел смерти ни себе, ни другим;

В четвертых, он добровольно выбрал смерть, чтобы жизнь продолжалась сколь угодно-бесконечно-долго;

В пятых, в нем совершился тот поворот к философии, который заставил его смотреть на собственную смерть, как на удовлетворение своих жизненных физиологических потребностей;

В шестых...

Возможно, им двигала некая невидимая подсознательная часть грандиозного айсберга его эгоистического сознания, и теперь в старости он с нетерпением взирал на вход в будущее царство умиротворения, о котором издавна мечтали люди, но которые так долго не могли достичь тайны обыкновенного загробного мира.

За руку его вела новая восемнадцатилетняя пассия Карина, со вчерашнего дня жена. Он смотрел на нее с нескрываемым восторгом.

* * *

Вход вел только через лифт и только вниз в подземелье, и сразу повеяло прохладой, которая напомнила Бигвистеру о старческих хворях, когда болели суставы и слезились глаза.

- Володечка, мы пришли, - сказала Карина и помогла снять с него пальто. Он безропотно подчинился.

Она заплакала.

- Ну, пожалуйста, возьми меня с собой.

Как объяснить, что захватить ее туда он не сможет?

- Мне нельзя брать с собой ничего и никого, - предупредил Бигвистер и добавил: - Но я всегда буду с тобой рядом.

Карина понимала, что он говорит о своем присутствии в переносном смысле. Умеют же старички выдавать

поэтические сравнения и даже вызывать особое очарование о себе.

- Мне не нужна память о тебе, - сказала она, - мне нужен ты сам.

- Конечно, судьба разведет нас гораздо дальше, чем мы представляем. Но я люблю тебя и буду всегда любить.

Последние слова Бигвистера вызвали новый поток слез. Она продолжила говорить взахлеб:

- Володечка, я буду верна тебе, как бы ты меня не отговаривал. Я только сейчас начинаю тебя понимать. Еще раз повтори то, что ты говорил мне последнее время.

Сухость и неприятное пощипывание заполнило его горло.

- Ты про то, что когда человек живет только прошлым – это уже явная старость, если не маразм? – спросил он.

- Да. То есть, необязательно это.

- Я тороплюсь закончить историю моей жизни на мажорной волне. Люди равнодушны к чему угодно, но только не к собственной смерти. Всё могло закончиться возложением цветов на моей могиле, а я, как видишь, ушел с честью от этого позора. И теперь посмеиваюсь над недоверчивыми.

- Твое решение окончательное и бесповоротное?

- Да.

- У меня подозрение, Володечка, может неудачи в тебе перевернули сознание?

- Неудачи могут сделать кого угодно злым, но у меня их нет, хотя предпосылок было достаточно. Мой мир утратил устойчивость и рассыпался на мелкие кусочки. К сожалению, глядя на наш мир, порой приходишь к неутешительному выводу, что этот мир переделать, перекрыть на свой лад, весьма и весьма непросто.

- Но что-то явилось отправной точкой?

- Я почувствовал, что ничего интересного в моей жизни больше не произойдет. Я мог стать лишь выразителем своих шизоидных ощущений. А такая перспектива для меня та же смерть. А я, как ты знаешь, стою за жизнь... после смерти. Я проштудировал много литературы и нашел много чего заслуживающего внимания. Например: жизнь на самом деле темна, а смерть – светла; жизнь выращивает урожай, пестует, лелеет, а смерть одним махом его снимает; смерть заглядывает в душу, а жизнь всего лишь читает мысли; опять-таки жизнь, к сожалению, - это сплошные ошибки и глубокое разочарование, а смерть полное их исправление и отрицание.

- Что еще?

- Жизнь выше всякой критики, поэтому слишком никудашна, чтобы оказаться красивой правдой. Правда только в смерти. Весь мир – сплошная бессмыслица. Жизнь приводит к анархии, и только смерть организует людей в порядок, о котором они мечтали.

- Ты протестуешь против любой жизни?

- Точнее, я голосую за смерть.

- Надеюсь, ты не накурился?

- Не сомневайся.

- Много пил?

- Как видишь, я адекватен. Разве я раскрываю подобными признаниями свою шизоидную сущность?

- Да, то есть, конечно, нет, - Карина гладила плечо Бигвистера. – Просто я уверена, что у человека нет более опасного врага, чем он сам.

- У меня странная реакция на серый цвет – цвет того потустороннего мира. Я ищу серое во всем – и не нахожу. Очень мало его. Где серые тона, где серые лица. Я всегда расстраиваюсь, когда не вижу их. К этому невозможно привыкнуть. Опять пора идти к моему психиатру. Когда я был у него в последний раз, он мне сказал: “Ваша патология без изменений. Главное – держать ее под контролем”. И я стараюсь держать ее под контролем. Но если честно, то контролирует меня она. А если еще честно: мы с ней заодно.

- Только это, конечно, некая тайна?

- Думаю, такую способность видеть всё серым можно считать талантом. Я не хвастаюсь, но это действительно очень непростое дело.

- Человек никогда не бывает таким, каким воображает себя.

- А что ты скажешь на следующее: ни один человек не интересен никому, кроме себя. Меня гнетет чувство, что мне не дают приблизиться к чему-то очень важному?

- Неужели я? – воскликнула Карина.

- В какой-то степени. Восемнадцать лет. Ты каким образом не ассоциируешься с серым цветом. В соответствии с моей теорией – это не достоинство, а твой большой недостаток.

- Тебе опять сегодня приснился кошмарный сон, – разочарованно произнесла Карина. - Опять эта фобия - смерть!

- Перестань, снишься только ты! – окрысился Бигвистер. – Хотя мне в данное время это не очень нужно – ты своей молодостью разрушаешь мою теорию.

- Снится всегда то, что человеку хочется.

- Это образ! На самом деле смерть – это не старуха с косою, а кое-что похлеще и пострашнее...

Карина усмехнулась:

- А, знаю, премилая девица! То, чему любой мужчина обманываться рад.

- Смеешься? А кто-то отнесется к моей судьбе с любопытством. Найдутся и такие, для кого зависть будет естественна. Я не сомневаюсь, что однажды все возьмут с меня пример, поступят как я, и Бог принесет в жертву смерти всех людей. Время может подтвердить мою правоту.

Карина видела на лице мужа только высокомерно-брезгливое выражение. Грусть расширила ее губы.

- Володечка, ты в порыве чувства можешь совершить глупость?

- Никогда!

- Володечка, может передумаешь, может не надо... сегодня? – с надеждой спросила она.

- Я отказываюсь обсуждать эту тему. Всё, тема закрыта. Жизнь несправедлива. Смерть – другое дело. Смерть демократична и уравнивает всех. – Бигвистер показал на большой транспарант во всю стену: “Крайняя форма жизни – есть смерть. Крайняя форма смерти – есть жизнь”. Ниже стояла надпись автора “Владимир Панкратович Бигвистер”.

- Володя, ты меня убедил в важности своей теории. Я, как твоя жена, должна немедленно разделить твою судьбу.

- Как ты представляешь себе?

- Я должна последовать за мужем в его последний путь. Куда ты – туда и я.

Бигвистер только на секунду растерялся.

- В скифские времена это означало только одно – удавку для жен, наложниц и прислуги. Я сторонник перманентного развития отношений во всех реинкарнациях, - провозгласил он и добавил: - Пока я хочу успокоиться и собраться с мыслями. Возможно, мне не хватит и нескольких веков.

У Карины выступила слеза.

- Володечка, но как же я?

- Ты выйдешь замуж за достойного человека, ты попадешь в хорошие руки. Я оставил на это всё про всё неплохую сумму.

Карину попросили покинуть мужа, и она прощально послала ему последний воздушный поцелуй.

* * *

Саркофаг с телом Владимира Бигвистера с автономным обеспечением холода от излучения Солнца и термоэнергии Земли был готов к захоронению в мощное бетонное узилище, изготовленное по проекту самого Бигвистера. Он постарался на славу, воплотив собственные идеи и вложив всю свою буйную фантазию и... капризы по принципу: “кто платит, тот и заказывает музыку”. Китч проглядывался во всем. Вход изумлял восхитительным дорическим карнизом с великолепным фронтоном над дверным проемом. Довольно мрачное из черного мрамора помещение с высокими лепными плафонами и фресками на стенах из загробной жизни, с мозаичным полом, с вазами по углам из порфирной яшмы, из которых ароматным дымком курились какие-то травы, очень напоминало просторный фамильный склеп. И цветы, цветы, цветы... Здесь были розы, лилии, фрезии, альстромерии, хризантемы, папоротник, зустомы и рускус. Звучала тихая бравурная музыка. В бокалах с шампанским играли яркие блики от множества свечей.

Владимир Бигвистер, дряблые складки жирного тела которого бодро содрогались от восторга и источали сильнейший запах благовоний, готовый к последнему путешествию, так называемому скачку в будущее, сидел уже в саркофаге в нижней рубашке, обложенный подушками, среди громоздящихся друг на друга измерительных приборов, от которых к нему шли как пуповины кабели, трубки и шланги. Он ждал, когда подойдет бригада из холодильщиков, физиологов, анестезиологов и анабиозников.

Бигвистер сидел в несколько глуповато-картинной позе и мечтал, когда его, наконец, оставят в покое, и он

займется делами, ничего общего со своими похоронами не имеющими.

Только и всего.

“Почему я должен жить? – размышлял он над казуистикой. – Почему не умереть?”

“Посторониться, чтобы дать жизнь другим?”

“А почему не самому себе?”

“Какой-то умник создал этот мир, но другой умник разрушает его планомерно и целенаправленно”.

“В этом есть своя разумность и логика. Почему надо сначала жить, а потом умереть? Как прекрасно и заманчиво пение птиц, но еще прекраснее пение ангелов”.

“Необходимо время от времени пересматривать каноны. Не лучше ли сначала умереть, а потом жить?”

Этот последний, кульминационный, далеко не праздный вопрос вставал каждый раз в его сознании, когда возникали туманные и зыбкие очертания новой философии, специально для того, чтобы он, Бигвистер, сделал наивернейший вывод, нашел короткое решение и не потерялся в тупиковых лабиринтах.

“Но он не потеряется”.

“Он не даст себя в обиду”.

“Химические реакции до и после, а физические явления всегда и везде – бесконечная череда и последовательность всякого направленного движения в рамках поступательного эволюционного развития”.

“В принципе, каждый может и без врача констатировать, что он мертв”.

“И Иванов, и Джексон, и Скарлиотти. Каждый, если не еще, то уже мертв!”

“Только что появившийся новорожденный ногой ближе к смерти, чем к своему рождению”.

Насколько себя помнил Бигвистер, эти постулаты всегда витали в воздухе, вопросы искали ответы, однако в молодости неподготовленный разум не находил их. И только сейчас в зрелые годы, по прошествии многих лет, размышляя над вечной проблемой жизни и смерти, он понял, что надо поступить по принципу: клин клином вышибают.

– О Боже! – пробормотал он, взглянув на часы. До начала процесса оставалось не так уж много времени, а он уже проголодался и замерз.

Профессор Фертман деловито осмотрел подготовленную фигуру.

– Включить вентилятор?

Бигвистер показал на небо.

– Хотите, чтобы я попал туда простуженным?

– Открыть фрамугу?

От переполняющего волнения словно ржавое несмазанное колесо заскрипел старческий голос.

– Ну что вы понапрасну беспокоитесь?

Фертман, словно часовой, продолжал стоять у саркофага. На столике среди бокалов с шампанским лежал бутерброд из кусочка хлеба и сваренного яйца, напоминавшего своими половинками осиротевшие глаза наивного динозаврика.

– Нет? Хорошо. Нужно ли вам еще что-нибудь?

Бигвистер, повернулся к часам, стоявшим на этом же столике – вечер, без десяти шестого – и покачал головой.

– Я не успею закончить с яйцом.

– Как настроение, Владимир Панкратович?

Бигвистер встрепенулся от созерцательного состояния.

– Что с вами? Испугались? Передумали? – Фертман углядел паническую реакцию. – Я думаю, если что, вы еще вернетесь назад или мы нагоним вас.

– Вы серьезно?

– История любит выкидывать коленца и приобретать сослагательное наклонение.

– Да. История больше любит оборачиваться в первый раз трагедией, а во второй раз возвращаться фарсом. Нет уж. Я от себя не позволю это.

– Тогда вы мужественный человек.

– Я заказываю музыку, я плачу деньги и довольно неплохие деньги, – поежился под колючим взглядом профессора Бигвистер. – Бизнес по продаже акций на рынке ценных бумаг в последнее время поглотил меня всего без остатка, превратил в человека года и сделал счастливым, но я устал жить в мире бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Мой мозг устал от постоянного перенапряжения, как заработать еще и еще денег.

– А семья, дети?

– Я женился вчера, не помню, какой по счету брак, на восемнадцатилетней девушке. Я слишком молод, чтобы видеть, как мужчины оборачиваются похотливо в сторону моей супруги, и слишком стар, чтобы наслаждаться ею.

– И все же, что вас подвигло?

Рубашка казалась смирительной, и Бигвистер сделал попытку расстегнуться.

– Я постиг глубинные тайны жизни, а смерть для меня, да и каждого из нас, за семью печатями. Надо чтобы это заблуждение не стало еще и противоречием.

– Чтобы мир не перевернулся, хотите сказать?

– Мир не перевернешь, но я хочу всё сделать иначе.

– Формальности выполнены: завещание, напутствия, прощание с родственниками, церковный обряд?

– Даже не забыл часть состояния оставить любимому сиамскому коту Бейсику.

– Возможно, вы блефуете и блеф закоротил ваши мозги, но я склоняюсь к тому, что вы непростой человек, как кажется на самом деле, вы умный, дальновидный, прозорливый, каких свет не выдывал. У меня впечатление о вас, как о самом хитро...

– ...умном человеке, – Бигвистер усмехнулся.

– Вот-вот.

В прошлом бутылочный король, а сейчас еще и консервный, он понимал, что находится под диктатом вынужденных обстоятельств своей личной вседозволенности. И засмеялся: понравилось сравнение.

– Об этом я не думаю.

– Некое прозрение?

– Возможно, да. Просто вижу вещи в ином свете, если можно так выразиться:

– Циничный практицизм?

– В чем-то вы правы. “Уходя – уходи”, – сказал я сам себе без капли сожаления в душе.

– Там лучше, чем здесь?

– Представьте свою жизнь постоянно в условиях невесомости, в условиях захватывающих дух. Совершенно новые, ни с чем не сравнимые ощущения.

Ответ потряс до глубины души своей нелепостью, своим непониманием реальных вещей. Но, возможно, он

прав? Фертман смотрел на маразматика, покачивая головой.

– Великолепно, всё будет в лучшем свете, высокий уровень нашей медицины позволяет гарантировать успех операции полностью. Ну, а процесс размораживания по сложности не идет ни в какое сравнение с замораживанием – с этим справится любой первокурсник. Достаточно просто создать поступление тепла в соответствии с кривой Зента.

Бигвистер рассеянно витал в облаках млечного пути, но удовлетворенно кивал головой. Он распахнул на рубашке ворот, дорога предстояла дальняя, назначенное время стремительно приближалось, и ему, ох как, не хотелось опаздывать, куда бы то ни было. Это было бы плохим тоном.

Фертман взглянул из глубины зала на открывающуюся дверь.

– Ну, все – пора. Ни пуха, ни пера! Остается добавить, что мы завидуем вам, Владимир Панкратович, вы будете жить через две тысячи лет в прекрасном будущем, свободном от каких-либо интриг, передряг и тусовок, в розовом, ласковом море тишины и согласия. А теперь нам предстоит самый ответственный момент, вы уж простите... – Профессор накинул на саркофаг стеклянный купол и стал наблюдать за слаженными действиями подосевшей бригады.

Приглушенные голоса были едва слышны. Как будто эти люди из почтения к смертнику сочли за благо не разговаривать, а перешептываться между собой. Даже движения их были плавными, беззвучными.

– Ваше последнее слово? – как на суде присяжных, вывел из раздумья голос Фертмана.

“У смерти свои правила”, – хотел сказать Бигвистер и объяснить их популярно, но на это не хватило бы и двухчасовой лекции, поэтому он только удобно улегся и умиротворенно сложил руки на груди.

– Делайте, как считаете нужным! – сказал он и замолчал. Он не намерен был говорить, а мозг не хотел перед установкой квазибиологической смерти уставать и тратить время на фантазии и пустопорожние разговоры. Впереди кромешный мрак. Одиночество. 2000 лет. И Бигвистер пожегся от страха в приступе последнего чувства.

Последовали команды:

– Газовая анестезия.

– Дайте глубокое охлаждение. Первую ступень.

– Градиент – 27 сотых тысяч градуса в секунду.

– Крышка пошла.

Повинуясь первому сигналу, помощник нажал кнопку на пульте.

– Ток!

Наклонившись вперед, инженер проверял чувствительность приборов.

– Откачка!

Разноцветные отсветы огоньков заиграли на сосредоточенных лицах операторов. Фиолетовые блики вспыхнули на потолке склепа, превращенного в операционный зал.

– Контроль за приборами!

Это было последнее, что услышал Владимир Бигвистер. Ночной холодок забрался под его рубашку, иголкой кольнуло воспоминание о материнском чреве, в котором

ему было когда-то тепло и уютно, и старый мир с самой яркой вспышкой оранжевого отблеска погас в глазах.

* * *

Звонки таймера из ниши, отсчитавшего ровно две тысячи лет, раздавались не прекращаясь.

– Значит, Владимир Бигвистер пожелал разморозиться в 4083 году, и этот год сегодня наступил? – Генерал-профессор Демосфен Вашук думал долго и сосредоточенно, почесывая квадратный подбородок, потом сказал: – Включите панораму блока номер семь. Проверьте на платежеспособность клиента, в противном случае мы не возьмемся за разморозку.

Полковник-доцент Кабанов пробежал табличку глазами.

– Так что у него там пойдет в уплату? – поторопил Вашук.

– Золото, общим весом пятьдесят восемь килограмм.

– Что ты сказал? Какое-то паршивое золото? И его предлагать за уникально выполненную работу? Да, представляет ли он, что такое разморозить кусок позавчерашнего телячьего ростбифа через две тысячи лет? – разгнедовался Вашук. – Он что, изволил издеваться над нами после того, как нашли целую планету из золота? Заморозить? С этим справится любой школьник, а вот разморозить, чтобы не нарушить целостность всех органов и восстановить функции жизнеобеспечения, надо иметь только наш высокий уровень развития медицины и не меньше военный истеблишмент в целом.

Из холодильника раздался еще один настойчивый сигнал.

– Это просится Александр Фокс, замороженный пятьсот лет назад, – сказал Кабанов.

– А у него, что на счету?

– Канистра ртути – два килограмма.

– Я не ослышался, неужели, целых два килограмма?! Вот это мультибогач из мультимагнатов! – генерал потирал руки в предвкушении. – Мне кажется, дело стоит свеч. К счастью, грядет война, а это значит, очередная денежная накачка и мы здорово всех обойдем! Закупим еще оружия и заставим правительство делать решительные шаги по нашему сценарию. Кстати, какие новости? Мне некогда заглядывать в газеты.

– Пока ничего нового.

– Все те же пустопорожние разговоры о предстоящей войне?

– Да. Всё ограничивается локальными конфликтами, и мировая война могла бы вспыхнуть, по меньшей мере, раз двадцать.

– Но пока не вспыхнула.

– Вы, крупнейший авторитет партии войны, полагаю, никому не хочется воевать.

– В вас не та нужная успокоенность и самоуверенность. До чего вы все-таки недалковидны, полковник, трудно сказать, что нас ждет в этом году.

– Два тигра не смогут разминуться на одной тропинке, не расшибив лбов?

– Разумеется.

– А парламент?

– Человечество идет вперед, не обращая внимания на истеричных крикунов из профессиональных политиканов.

Полковник пристукнул каблуком.

– Война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Генерал согласился.

– Альтернативы нет, речь идет о шатком мире, стоящем на краю пропасти.

– А как поступить с Бигвистером? – спросил полковник.

– Отставить! Пусть отсыпается на старости лет – он заслуженно заработал отдых – не до него, пока золото когда-нибудь не поднимется в цене и политическая обстановка не прояснится в нашу пользу.

– Вы тоже, генерал, считаете, что новая мировая война состоится?

– Думаю, что да. Мы люди маленькие, нам скажут, встанем в стойку “смирно” и все на позиции. Угрозу коммунизма над демократией наши предки не безболезненно, но пережили. Потом мусульманский мир не без крови помирился-таки с христианским. А с тех пор, как ученые нашли способ идентифицировать гены, и доказали, что люди делятся на плюсоидов и минусоидов, мир снова взбесился и только счастливая случайность не превратила его в руины.

Генерал подозрительно посмотрел на полковника.

– Вот вы кто?

– Я – плюсоид, – вытянулся в струнку полковник, – как и вы, и вся наша непобедимая армия!

– Да здравствуют плюсоиды, самое передовое человечество в мире! – Генерал выбросил руку вверх.

Раздался сигнал военной тревоги...

* * *

Из-за облака выглянуло солнце, и огромный зверь в коричневой шкуре с длинными волосами вышел на берег погреться. Там он встретил подругу, и они вместе стали тереться о бетонный блок, выглядывающий углом из земли. Бетон потрескивал от трения электрическими рядами, и чуть заметная трещина поплыла наискосок.

Вдруг звери принялись, почувствовав чужеродный запах, и быстро убралась восвояси.

Первобытные люди подошли к блоку и каменными рубилами и топорами стали настойчиво расширять трещину.

– Ур, – сказал Ор своему товарищу, – камень, похоже, пустотелый.

– Ор, – приложил ухо Ор, – нам камень не одолеть.

* * *

– Мировая сенсация! – наперебой кричали мальчишки на каждом углу. – Ученые археологи нашли мумию из золота!

Профессор Абаза на ходу бросил монетку в протянутую детскую ладонку и выхватил из пачки газету. Она сообщала: “Группа ученых из археологического института обнаружила усыпальницу с живым телом. Расшифрованная надпись на табличке гласит: “Я, Владимир Бигвистер, замороженный в 2083 году, завещаю возвратить себя к жизни в 4083 году. В уплату услуг по разморажива-

нию и дальнейшему своему пребыванию на земле послужат пятьдесят восемь килограммов золота, на которых я возлежу”.

“Жаль, что у нас не 4083 год”, – подумал Абаза. Он хотел позвонить в Центр, но на этой улице не установили телефоны-автоматы. Они еще были новинкой.

Группа академиков уже стояла в ожидании президента Академии Наук.

– Полагаю, все готово? – сразу же спросил он, когда появился. – Тогда приступайте к оттаиванию в глухой бане по методу теплового удара. Да побольше пара.

– Пар костей не ломит! – согласился один из ученых.

– Один неясный аспект, – осмелился спросить высокий академик, – сейчас не 4083 год...

– Но и золото для научных изысканий не валяется на улице! Я привык доверять не собственным чувствам, а правительственным формулярам, – сказал президент. – Наука ждать не намерена. Это, смотря, откуда брать точку отсчета. Если от битвы при Вукорнах, то уже самый что ни на есть 4083 год.

Огромный бархатный свет проливался в закрытые глаза Владимира Бигвистера все сильнее, побуждая его выйти из небытия. Он заявлялся во всем: в реакции отторжения от смерти подрагиванием век, во все более разгорающейся горячей пульсации крови, в раздражающем нос запахе озона, в тихом пении очаровательного женского голоса из круглого черного репродуктора. Окружающий мир властно вторгался в просыпающееся тело. Великолепный, привычный, вечно молодой мир.

Бигвистер приподнял голову. Фигуры в белых халатах стояли вокруг, склонившись над саркофагом.

– Это модерн или поп-арт? – уставясь на репродуктор в виде черной тарелки, спросил Бигвистер. Его голос, как и две тысячи лет назад напоминал скрежет испорченного механизма. – Только отрегулируйте стереоэффект, кажется, передают новости из Европы.

– Из Европы?.. Ах, да-да, из Европы!.. – Все добродушно закивали головами.

– Доброе утро, – дружески сказала одна из фигур.

Бигвистера распирало удовлетворение. Позади крошечный мрак. Одиночество. 2000 лет. И Бигвистер пожегся от страха в приступе приятного чувства.

– Доброе утро, – ответил он и, как бы оправдываясь, с пафосом, порывисто зачастил. – Кто возьмется утверждать, что время не подвластно силе человеческого мышления? Ерунда! Вторая жизнь после смерти существует. Кто может сказать, что человек неспособен повторно ощущать свое тело, наслаждаться трепетом собственного сердца, чувствовать приятное поддавливание диафрагмы, прогонку воздуха в альвеолах легких при каждом вздохе. Может, и еще как! Возможно, вы назовете это романтикой, но я принадлежу к тем самым безумцам...

Бигвистер всматривался в мир удивленными глазами. Окружающие не обращали внимания на то, как он в радостном возбуждении от пробуждения говорил, перекидывались взглядами и бросали реплики.

– Шизоик.

– Типичный синдром шизоидики в запущенном виде.

– Каталитическое состояние, – прокомментировал Абаза человеку в погонах прямо в ухо. Тот заинтересо-

ванно встрепенулся, но Абаза уже смотрел на Бигвистера. – Верим, верим, – громко сказал он ему, – нас интересует ваше самочувствие.

Бигвистер потянулся плечами.

– Великолепное! Как будто снова родился на свет.

– Так оно и есть на самом деле.

– Только затекли руки и ноги.

Абаза улыбнулся.

– Не терпится попрыгать, в кузнечики записаться, поиграть в лапту?

– О да, лапта, новомодная игра! Даже мой личный тренер не знает ее. Я безумно люблю славную игру лапты. Каков прилив сил! Готов горы своротить. Хочу скорее познакомиться с правилами этой великолепной...

– Успеете! – лицо человека в погонах стало непроницаемо серьезным. – Сегодня вам предстоит холодный упругий душ, чтобы освежиться с дороги и набраться сил.

– Между прочим, – полюбопытствовал Бигвистер, – который теперь год?

– Как вы и пожелали – 4083.

– Да, – заметил Бигвистер, – бежит времечко. Все-таки за две тысячи лет общество сделало невероятный скачок. Разве можно сравнить дикое прошлое с развитым настоящим. Мой личный юрист остался бы в дураках, узнав про это! – Он закатился в хохоте, но не рассчитал свои силы и зашелся кашлем.

Абаза переглянулся с президентом Академии Наук. Тот подтверждающе кивнул головой.

Владимира Бигвистера переполняли чувства все больше и больше.

– Прошлое, то есть мое тогда настоящее, – захлебывался он, – стало бесконечно раздражать меня. Я больше не мог всё это выносить: постоянные презентации, брифинги, факсы, компьютеры. Я человек неприветливый,

но обрыдло всё на свете. А мне так хотелось слетать на Марс, посоревноваться там с морозом, побегать по марсианским каналам, петь песни... Мой личный психиатр говорил, что большего сумасшедшего, чем я, он на свете не видел...

Присутствующие снова переглянулись.

– Здесь вы все это попробуете: и мороз, и с песнями побегаете по каналам. Мы гарантируем, – сказал человек в погонах.

Второй человек в погонах, нагнувшись к первому, тихо сказал:

– Не забывайте про КПД. Комитет по Допросам ждет выяснения, на что Бигвистер способен, дабы убедиться, чей он шпион. Вариантов несколько.

Президент на это воспротивился.

– Нет-нет-нет! Только не сейчас КПД! Это бесценный материал для науки. Дайте осмотреться. Для начала надо разобраться, с какой научной целью он попал в наше время, пройти ему восстановительно-реабилитационный эксперимент по выведению шизоидов новыми активными методами в психиатрической больнице, оборудованной по последнему слову науки.

– Я полагаю, Президента республики больше интересует КПД! – жестко сказал военный и махнул рукой.

– Только наука и ничего, кроме науки! – Академик встал в решительную позу и тоже махнул рукой.

С одной стороны вышли два автоматчика, а с другой – два санитары с носилками.

– Благодарю за внимание к моей персоне, но что-то здесь жарко и сыро, – забеспокоился Владимир Бигвистер, прежде чем человек в погонах успел открыть рот.

И Бигвистер обрадовался, что это было первое, по настоящему нормальное, реальное, не абстрактное болезненное раздражающее ощущение в идеальном мире.

Это было началом новой эры в его жизни.

ПЕРСОНАЛИИ

МИЛЬКОВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ родился в 1946 году в г. Ухте, в котором проживает по сегодняшний день. Окончил Ухтинский индустриальный институт. Внедрял новую технику в “Ухтанефтегазгеология”, сейчас работает прибористом в ОАО “ЛУКойл Ухтанефтепереработка” (УНПЗ). Неоднократно печатался в журнале “Ухта литературная”. Автор книжки научной фантастики “14 тигров и 6 шакалов”. Председатель УКЛФ (Ухтинский клуб любителей фантастики) под таким же названием “14 тигров и 6 шакалов”. Редактор журнала “Ухта литературная”.

РУЛЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ родился в 1973 году в г. Саратове. Незаконченное высшее образование. Работал топографом, а сейчас слесарем по ремонту бытовой техники. Печатался в местной печати. Автор книжки научной фантастики “Такси”. Зампредседателя УКЛФ “14 тигров и 6 шакалов”. В Ухте с 1975 года.

Сергей РУЛЕВ

ТАКСИ

(научно-фантастический рассказ)

Пуля ударилась о стену гаража всего в нескольких сантиметрах от макушки Рэя. Он поспешно спрятав голову за угол. Быстро подсчитал в уме, сколько осталось патронов. Пять. Этого вполне должно хватить. Лишь бы Фрэнк не подкачал.

Раздались два выстрела. Рэй сразу узнал голос “игрушки” Фрэнка. Не успело стихнуть эхо последнего выстрела, как из-за угла гаража высунулась рука с пистолетом, и пять выстрелов почти слились в один.

Кажется, все. На всякий случай Рэй сначала выставил на обзор ногу, потом осторожно выглянул сам. Да, так и есть. Эти двое лежали около машины. Один зарылся носом в песок, вытянувшись во весь рост и широко раскинув руки. “Счастливого полета”, – мрачновато усмехнулся Рэй. Второй скорчился у заднего колеса машины, как-будто разглядывал что-то у себя на колене. Справа, крутя в руке пистолет, к ним подходил Фрэнк.

Пока Рэй стирал пыль и песок со своего памятного костюма, ругаясь при этом вполголоса, Фрэнк осмотрел трупы.

– Чисто сработано, старина, – заметил он.

– Из пяти только одна здесь, – и он указал пальцем на дырку в кузове автомобиля. – А остальные в этих мешках.

Его огромный башмак, скорее всего, самого последнего размера, приподнял тело одного из гангстеров.

– Да, чисто сработано, – повторил он.

– Можно было и лучше, – буркнул Рэй, все еще с унынием разглядывая свой новый костюм, по которому теперь плакала хорошая чистка.

Фрэнк заметил раздражение Рэя.

– Да брось ты, из-за какого-то костюма...

Вот именно из-за какого-то костюма. Неужели он мог так раскиснуть из-за какого-то куска тряпки, прикрывающего тело. Конечно нет. Рэй честно признался себе в этом. Просто когда напряжение поединка прошло, навалилась скопившаяся усталость. Господи, как он устал. Устал гоняться за ворами, которые крадут деньги у себе подобных, устал превращать в трупы недоумков, которые считают, что колесо Фортуны крутится только для них, устал от неопределенности в отношениях с Адой... Устал... да мало ли от чего он устал. Неужели

можно так устать от всего в двадцать пять лет? Что же будет дальше?

Рэй искоса посмотрел на Фрэнка. Кажется, того не особо задело раздражение Рэя. Фрэнк торжествовал победу, а остальное его пока мало интересовало. Рэй вздохнул. Ну и хорошо. По крайней мере, никто не должен видеть его раскисшим.

– Вызывай патрульную, – сказал Рэй, придав голосу побольше бодрости.

– Нечего здесь засиживаться. Мы свое дело сделали, а они пусть теперь разбираются.

Фрэнк весело поглядел на Рэя.

– О'кей! Я сейчас, – и пошел к их машине.

Патрульная приехала минут через пять. Следом за ней завывала сиреной “Скорая”. Пока полицейские и медики занимались своими делами, к Рэю подошел сержант Хоукс.

– Послушай, дружище, Старик хочет тебя видеть.

– Это что, так срочно? – уныло протянул Рэй. Снова начало накачивать раздражение.

– Наверно, – пожал плечами Хоукс, – Кажется, у него есть что-то именно для тебя. И, скажу по секрету, к этому делу привлекают Крамера, – он хихикнул и похлопал Рэя по плечу.

– Давай, лети к Старика, только сделай физиономию повеселее.

– Да иди ты, – буркнул в ответ Рэй и сел в машину, где за рулем уже сидел Фрэнк.

– Я слышал, что он тебе говорил, – сказал он. – Если на горизонте показался Крамер, то, значит, у них там действительно что-то серьезное. Тебе можно позавидовать.

– Ладно, ладно, езжай, – равнодушно проворчал Рэй и отвернулся к окну.

Уже темнело, и город мчался за окнами, весь сияющий переливающимися огнями реклам. Фрэнк умело вел машину, и они нигде не задерживались. В другой момент Рэй оценил бы мастерство напарника, но сейчас... сейчас он предпочел бы вообще никуда не ехать, ну или хотя бы ехать чуть-чуть помедленнее.

Рэй не любил бесед со Стариком. Бесспорно, тот ценил его талант полицейского-оперативника, но все же чувствовал неприязненное отношение к себе со стороны Рэя, поэтому их неприязнь была взаимной. Рэй не знал истоков своей нелюбви к старику, да, впрочем, он особо и не задавался этим вопросом. Как бы то ни было, ради дела оба терпели друг друга, и внешне все выглядело вполне мирно. Редкий случай, когда подобные личные отношения не идут в ущерб деловым.

Наконец машина в последний раз свернула и остановилась у столь знакомого Рэю подъезда.

– Ну, давай, старина. Ни пуха, ни пера. Я подожду тебя, – Фрэнк похлопал его по плечу, подбадривая. Его напарник был единственным, кто догадывался о его истинных взаимоотношениях со Стариком.

Рэй посидел еще немного, глядя в одну точку.

– К черту, – наконец сказал он и, выйдя из машины, решительно зашагал к дверям.

Он застал их обоих. Старик, как всегда, сидел в своем любимом старом зеленом кресле, а Крамер в кресле напротив него. Оба курили и говорили о чем-то вполголоса.

Рэй демонстративно вошел без стука и не стал садиться, когда Старик махнул ему рукой на кресло, показывая, что он не собирается здесь задерживаться.

– Садись, сынок, – Старик еще раз указал рукой на кресло рядом с собой.

Рэй отрицательно покачал головой. Его бесило, когда Старик называл его “сынком”, хотя шеф называл так всех. Вполне возможно, что его прозвище происходило именно от этого любимого им слова.

– Ну что ж, если хочешь, можешь стоять, – заключил Старик, – только разговор у нас будет не короткий, а ты же не хочешь заставить нас встать поговорить с тобой.

Рэй подумал немного и сел. Он был бы не прочь заставить Старика встать для разговора. Но наедине. Но в том-то и дело, что наедине Старик не встал бы ни за что. Ему бы и в голову не пришло показывать хорошие манеры.

– А теперь познакомьтесь, ребята, – Старик небрежно стряхнул пепел с сигареты. Прямо на пол.

– Рэй.

– Джефф.

– Ну вот и прекрасно. Вам все-таки предстоит вместе распутывать нелегкое дельце.

Джефф согласно кивнул головой. Рэй решил терпеливо ждать, когда они объяснят ему, в чем же дело.

Как ни странно, объяснять начал Крамер, а Старик только кивал головой.

– Наша задача, Рэй, состоит в том, чтобы выяснить, куда исчезают люди. Это началось полтора года назад. Более двух сотен мужчин и женщин пропали по стране бесследно.

– Люди исчезали и пять, и десять лет назад, – несколько язвительно заметил Рэй.

– Согласен, – невозмутимо продолжал Джефф, – Но я думаю, ты все-таки согласишься с тем, что это довольно большое число для нашей небольшой страны. Ну, а кроме того, все эти случаи связаны между собой, то есть являются серией похищений. И все они связаны с такси.

– С чем? – переспросил Рэй.

– С такси. Всех пострадавших в последний раз видели садящимися в голубое или розовое такси. И что характерно, ни один свидетель не смог назвать ни номера машины, ни, что вообще очень странно, ее марки.

– Такси – привидение, – саркастически заметил Рэй.

– Привидения не крадут людей. Они их пугают, – отпарировал Джефф.

– Хорошо, хорошо, – поднял вверх руки Рэй, – Я понял. Нам нужно изловить эту чертову банду нехороших таксистов, похищающих людей, что все-таки довольно странно. Какие у них мотивы? Выкуп, ограбление, или это просто сборище маньяков?

Джефф отрицательно покачал головой.

– Мотивы нам неизвестны. Все люди исчезли бесследно.

Тут в разговор решил вмешаться Старик.

– Дело действительно непростое. Зацепок в нем почти никаких, если не считать практически бесполезных показаний свидетелей. Но так как это дело поручено нам, мы должны его раскрутить. Нам дали Джеффа, а с нашей стороны я выбрал тебя, Рэй. Вам обоим палец в рот не клади, так что, я думаю, вы должны справиться.

Ну и, естественно, всегда можете рассчитывать на мою помощь.

“На помощь всего отдела, ты хотел сказать”, – Подумал Рэй.

– Спасибо, – сказал Джефф, – Я думаю, мы начнем с завтрашнего утра, – и он вопросительно взглянул на Рэя.

– Угу, – буркнул тот.

– Тогда до завтра.

Фрэнк все еще ждал его в машине, с сигаретой в зубах, барабанил пальцами по баранке в такт мелодии из радиоприемника.

– Ну как? – Спросил он, когда Рэй залез в машину.

– Дело дрянь, – мрачно изрек тот. – Не понимаю, откуда Старик выкапывает такие безнадежные дела?

– Ничего, чем труднее, тем обычно интереснее. Да и радость победы больше, – заметил Фрэнк, заводя машину.

“Когда-то, вроде бы, даже и не так давно это было, я думал точно так же”, – подумал Рэй. И тут же промелькнула мысль: “А Джефф наверняка парень что надо. Посмотрим, что будет завтра”.

Джефф действительно оказался тем самым парнем. Рэй даже немного пожалел, что так вызывающе вел себя у Старика.

У Джеффа был молниеносный аналитический ум. Он умудрялся выковыривать факты оттуда, где их, казалось, вообще быть не должно. Работать с ним было одно удовольствие. Да и вообще... Ну как можно объяснить словами, почему этот человек тебе нравится, а тот неприятен? Джефф понравился Рэю, вот и все. Сработались они довольно быстро.

Они сидели в небольшом ресторанчике на углу Биг-стрит и 14-й авеню. Вот уже две недели они встречались по вечерам здесь, если, конечно, не были вместе целый день.

– Ну что ж, давай подберем бабки, – Джефф отхлебнул кофе. – Куча свидетелей не дала нам почти ничего.

– То есть совсем ничего, – поправил его Рэй.

– Джефф сделал еще глоток.

– Почти ничего. Я не знаю, что нам это может дать, но с их помощью мы выяснили, что почти все потерпевшие были людьми одиночками.

Рэй удивленно посмотрел на него.

– То есть? Ведь у многих из них семьи, дети, друзья. Может, наоборот – одиноких в этом списке довольно мало?

Джефф усмехнулся.

– А ты вспомни слова всех свидетелей, а также этих родственников: он постоянно выглядел усталым, ему, ей, чего-то не хватало, последнее время у него часто возникали припадки раздражения, хандры, она была неразговорчива – все это повторялось почти в каждом рассказе, ну там плюс-минус. Имея небольшое представление о человеческой психике, вполне можно предположить, что эти люди чувствовали одиночество и вообще душевный дискомфорт. Кстати, – он сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на Рэя, – мне кажется, ты тоже вполне подходящий кандидат для похищения.

– Брось ты, – махнул рукой Рэй.

– Как знаешь, – заметил Джефф, и в его голосе Рэй уловил нотки сочувствия.

– У меня все в порядке, Джефф. Ну, может, устал немного. Не в этом дело. Все равно, пока мы с тобой не закончим с этими похищениями, по-настоящему отдохнуть не удастся. Зато потом... – и он зажмурил глаза, предвкушая то, что будет потом. Кажется, он и сам поверил в то, что говорил.

Джефф кивнул. Кажется, его устроило это объяснение.

– Ты прав, я и сам заметно утомился. Ну ладно, тогда поехали дальше.

Теперь кивнул головой Рэй.

– Итак, мы имеем, Джефф начал загибать пальцы, – Первое – точную карту похищений – она охватывает все города страны; второе – точное число похищений этой серии, если тут, конечно, вообще возможна точность: их двести двадцать одно.

– Действительно, что-то уж многовато, промычал Рэй.

Согласен. Третье – на основе всего этого я попытался найти какую-нибудь закономерность, и, кажется, что-то получилось.

– Неужели, – заинтересовался Рэй.

– Да, я пока не говорил тебе, дожидаясь хоть какого-нибудь подтверждения своей догадки. Похищенный вчера в Литл-ривере мужчина дал мне это подтверждение. Ему, впрочем, от этого не легче.

– Это уж точно, подтвердил Рэй и сразу спросил, – Ну и каков теперь твой прогноз?

Джефф достал сигарету.

– Послезавтра в Адамс-гауне будет похищен человек. Это должна быть женщина. А ровно через четыре дня после этого наступит очередь нашей дорогой столицы. Здесь пусть поберегутся мужчины.

– Значит, надо подождать до послезавтра, – заключил Рэй, – Если ты прав, то... – он быстро прикинул в уме, – к 26 апреля я поставлю на уши всю здешнюю полицию.

Джефф согласно кивнул головой.

– Я думаю так же. Нужно, чтобы каждое такси было под наблюдением, хоть это, конечно, и не так-то просто. Особое внимание следует уделить иногородним. Конечно, все это дико сложно, да и в моей теории могут оказаться ошибки, но все же у нас появится маленький шанс сделать хоть что-нибудь. Надо будет постараться не упустить этот шансик.

– Что ж поищем иголку в стоге сена, – попытался пошутить Рэй и вздохнул, – но ничего больше нам, кажется, не остается.

Сообщение из Адамс-гауна подтвердило догадку Джеффа. Настала пора активной деятельности для Рэя. За три дня он поставил на ноги всю полицию в городе и штате. На всех дорогах, где бы в город мог проехать легковой автомобиль, были выставлены посты. Патрулировались все улицы города. Когда Рэй прикинул, сколько людей и техники задействовано в операции, он ужаснулся. Без протекции Старика ему бы ни в жизнь не сделать этого.

Что ж у Старика есть свои резоны помогать ему. Но все равно спасибо.

Вечером 25 апреля Рэй сидел у себя дома и курил сигарету за сигаретой. Он проделал “грандиозную”, как

сказал Джефф, работу, но не был уверен, что результат оправдает затраченные усилия. Вот если бы на всех этих постах и во всех патрулях он смог бы быть сам! Но ведь нельзя разорваться на несколько частей. Придется доверять другим. Но, Боже, как это не просто довериться кому-то в таком деле. Ведь любой из этих полицейских может сделать какую-нибудь ошибку, и тогда... Все пойдет прахом. А он сам? Ведь любой может ошибиться. Да, но тогда он сможет во всем обвинить себя, а это, как ни странно, легче, чем обвинять других. По крайней мере, в подобной ситуации.

Как бы то ни было, завтра ему предстоит тяжелый день. Он просто не сможет усидеть на месте. Интересно, сколько завтра бензина пропустит через себя его машина?

“Не мешало бы поспать, – подумал Рэй и взглянул на часы, – Еще одну”. Он закурил очередную сигарету.

Телефонный звонок, раздавшийся в тишине комнаты, вырвал его из потока не особо приятных мыслей. Кстати, когда в последний раз его посещали приятные мысли?

Рэй поднял трубку.

– Да.

–Рэй?

О, Господи! Ада? Что ей нужно сейчас? Рэй посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать.

– Да, Ада, это я.

– Рэй, мне нужно поговорить с тобой.

–Ну хорошо, я тебя слушаю.

– Только не по телефону. Нам нужно встретиться, – ее голос звучал немножко нервно.

Рэй поморщился.

– Это так срочно?

В ответ он услышал молчание.

Рэй еще раз посмотрел на часы.

– Хорошо, я сейчас приеду.

– Я жду тебя.

Ада положила трубку.

“Что случилось?” – недоумевал Рэй, садясь в машину. Хотя... Черт возьми! Он ведь уже больше недели не был у нее. Просто забыл о ней. В душе поднималась злость на самого себя. Он чувствовал себя последней свиньей.

Так. Вот ее дом. Рэй заглушил мотор и вышел из машины. В одном окне горит свет. Кажется, это на кухне.

Рэй подошел к двери и позвонил. Послышались то-ропливые шаги.

– Рэй?

– Да, это я, дорогая.

Дверь открылась, и он вошел в дом. В прихожей было темно. Почему Ада не включила свет? Она стояла рядом, и он слышал ее дыхание.

– Пойдем, – сказала она негромко.

Он снял плащ и пошел за ней.

Свет действительно горел на кухне. Они прошли туда. Рэй повернул Аду к себе.

– Мы даже не поздоровались.

Он поцеловал ее, но она мягко отстранилась.

– Садись.

Рэй вздохнул и послушно опустился на табурет. Ада стояла перед ним в легком халатике, под которым, как всегда, скорее всего, ничего не было, такая малень-

кая и беззащитная. Она выглядела уставшей. Рэй смотрел на ее лицо. Светлые волосы до плеч, чуть вздернутый носик, карие глаза, под которыми сейчас лежали складки, как от бессонницы. Она не была красавицей, но она была очень симпатичной. И он, кажется, любил ее. Рэй почувствовал раздражение. Опять это “кажется”.

Ада не выдержала его долгого взгляда и отвернулась.

– Рэй, мне надо поговорить с тобой.

– О чем, дорогая?

Она удивленно посмотрела на него.

– Мы не виделись две недели!

– Рэй сделал виноватую физиономию.

– Извини, Адочка, но...

– Извини, – передразнила его Ада, хмыкнув.

– Но у меня сейчас очень важная работа, – продолжал Рэй, – Если бы ты знала...

Ада опять прервала его.

– Я не хочу ничего знать. Ты не звонишь мне. Я не знаю, что с тобой и где ты. Я искала тебя везде. Совершенно случайно мне удалось до тебя дозвониться... Так дальше не может продолжаться, – она старалась говорить спокойно, но Рэй видел, что она готова разрыдаться. Он открыл было рот, но тут же закрыл его. Ему нечего было сказать ей. Да, он виноват, он – идиот, но если он скажет ей сейчас это, она просто не поймет его. А если и поймет, то неправильно.

– Почему ты молчишь? – Ее голос звучал надрывно, и в нем слышалась неподдельная боль. Рэй был благодарен ей за то, что она еще не разрыдалась. Он не выносил женских слез.

– Ну почему ты молчишь? – Повторила она.

– Я люблю тебя, – смог выдавить из себя Рэй. Ада была в таком состоянии, что он ожидал услышать ее истерический смех.

– Нет, Рэй. Не обманывай ни себя, ни меня, – ее голос звучал спокойно, почти отрешенно, – Ты не любишь меня, Рэй. Если бы ты любил меня, ты не бросал бы меня одну так часто. Я люблю тебя, Рэй. Все еще люблю. Если бы ты любил меня, то мы были бы счастливы. Ведь мужчина и женщина, которые любят друг друга, всегда счастливы. Не так ли? – Ада повернула к нему лицо, и в ее глазах Рэй увидел муку и тоску. Господи! До чего же он довел эту женщину.

– Я люблю тебя, Ада, – упрямо повторил он. Но она не услышала его.

– Нам надо расстаться, Рэй. Хватит мучить друг друга. Мы далеко не старики, и у нас все еще впереди. Я не держу на тебя зла, Рэй. Я думаю, мы останемся друзьями.

Она встала из-за стола, прошла мимо него и растворилась в темноте комнаты. Рэй вскочил и хотел было броситься за ней, но что-то остановило его. “Нет, не сейчас”, – подумал он. Вместо этого он подошел к буфету и достал бутылку виски. Поискал стакан, увидел чашку для чая и взял ее. Виски показалось ему противным и уж слишком горьким, но он влил в себя полную чашку и налил еще.

“Стоп”, – мелькнула мысль. Сейчас ему нельзя напиваться. В конце концов это тоже не выход. Он посмотрел на чашку с виски и, подумав немного, вылил содержимое в раковину. Потом поставил бутылку обратно в буфет и выключил свет. Осторожно пробираясь в

темноте, он вышел в прихожую и нащупал свой плащ. Поставил дверной замок в такое положение, чтобы тот захлопнулся, и вышел из дома.

От выпитого виски в голове слегка зашумело. Скорее всего, сказывалась еще и усталость. Рэй обошел свою машину и пошел пешком. Не хватало еще, чтобы его задержали за рулем в пьяном виде. Лучше он возьмет такси.

Словно в ответ на его мысли, из-за угла выехала машина и подъехала к нему.

– До чего дошел сервис, – пьяновато усмехнулся Рэй.

“Я приду к Аде завтра. Нет, завтра не получится. Послезавтра обязательно. Я женюсь на ней. Послезавтра мы все обсудим. Все должно уладиться”, – думал Рэй, садясь в машину. Такси тронулось с места. Рэй развалился на заднем сидении.

“Как я устал, – подумал он вдруг, – Зачем люди так усложняют себе жизнь? Неужели на земле нет места, где люди могут жить спокойно, не валяя дурака?”

– Куда? – спросил шофер не оборачиваясь.

– В рай, – полушепотом ответил Рэй, усмехнувшись самому себе.

– В рай, так в рай, – невозмутимо ответил шофер.

Рэй удивленно уставился ему в затылок. Только сейчас он заметил, что голос водителя звучит как-то приглушенно. Да и салон машины выглядел немного странновато.

Послышалось шипение.

Глаза Рэя начали слипаться. Он попытался дернуть, но не смог даже пошевелить рукой.

“Вот оно, – мелькнуло в мозгу, – Газ. Они используют газ. Мы ошиблись на один день”.

– Сейчас уже три минуты первого, – это было последнее, что Рэй услышал в этом мире.

А на крыльце дома, из которого он только что вышел, стояла женщина, провожая взглядом розовое, цвета мечты, такси.

Рэй медленно приходил в себя. Лицо обдувал приятный ветерок, несущий прелый запах трав с лугов. Рэй открыл глаза. Он лежал на траве под большим кустом какого-то растения, похожего на акацию. Сквозь листья в глаза бил яркий белый свет солнца. Именно белый, а не желтый. Рэй приподнялся на локте.

– Кажется, я умер, – произнес он фразу всех приговоренных к смерти и чудом оставшихся в живых из-за неудачного исполнения приговора.

– Вы не умерли, – услышал он звонкий голосок, идущий сбоку. Он повернулся в ту сторону. Голосок принадлежал девчужке лет двенадцати. Она сидела на траве, подогнув под себя ноги, и плела веночек из цветов, которые рвала прямо вокруг себя.

Наверное, на лице Рэя было написано слишком большое удивление, потому что девочка сказала:

– Я не ангел. Меня зовут Мэри.

– Мэри? – Тупо переспросил Рэй.

Девочка засмеялась.

– Какой вы чудной!

– Где я? – выдавил Рэй.

– В раю, – ответила девочка и, увидев недоумение Рэя, засмеялась опять. Словно зазвенели серебряные колокольчики.

– Не пугайтесь. Это наш мир так называется. Еще его называют Эдем, Аркадия... У него много названий.

“Наш мир...” – лихорадочно думал Рэй. Куда он попал?

– Ну ладно, – девочка встала. – Пойдемте, я провожу вас в поселок. Дядя Мак вам все объяснит.

Рэй встал и послушно поплелся за девочкой. Они спустились с холма, покрытого деревьями и кустарником, и оказались в небольшой долине между холмами. Рэй увидел множество небольших аккуратных домиков около извилистой речки и понял, что они пришли.

– А вот и дядя Мак, – сказала девочка, показывая на тропинку, ведущую к поселку. По тропинке шел крепкий загорелый мужчина лет сорока.

– Здравствуйте, – сказал он, подойдя.

Рэй кивнул головой.

– Здравствуйте.

– Меня зовут Мак, – сказал мужчина, протягивая руку. Рэй пожал ее.

– Рэй, – представился он.

– Мы рады, Рэй, что ты пришел к нам, – улыбнулся Мак.

Рэю захотелось закричать от этих слов, забиться в истерику, но при виде улыбки Мака это желание исчезло. Вместо этого он тоже улыбнулся в ответ.

– Я тоже рад.

– Пойдем, Рэй, я все объясню тебе, – сказал Мак, увлекая его за собой.

– Ты можешь идти, Мэри, – сказал он девочке.

Та убежала.

Они шли по тропинке, и Мак что-то говорил ему, но Рэй его не слышал. Он жадно оглядывался по сторонам. Здесь все было красиво и радовало глаз. От этой красоты на душе становилось легко и спокойно. Рэй чувствовал, что внутри него начинают происходить какие-то перемены и, сам того не осознавая, радовался им.

Наконец первое ошеломляющее впечатление прошло, и он начал прислушиваться к словам Мака.

– ...сейчас в поселке никого нет, все работают в поле. Я думаю, что ты завтра присоединишься к ним.

– А что, в раю тоже надо работать? – спросил Рэй.

Они посмотрели друг на друга: несколько удивленный Рэй и спокойный, озаренный каким-то внутренним светом Мак.

– Конечно, – ответил Мак, и оба рассмеялись.

– Ну как там твои дела с переселением?

– Пока все хорошо.

– И нужно тебе это?

– Понимаешь, человечество начинает вырождаться.

Они слишком задавлены той цивилизацией, которую создали. Эти большие города, это обилие машин. Они ушли от природы и страдают от этого. Мне жаль их. Я дал возможность, пусть не всем, но хотя бы некоторым из них, пойти другим путем. И, кажется, мне это удалось. Все они счастливы в новом для них мире.

– Ты становишься все более сентиментальным. Вспомни, сколько цивилизаций по тем или иным причинам ушло в небытие. И ты даже палец о палец не ударил, чтобы помочь им. А тут...

– Не знаю. Может, это потому, что они так похожи на меня...

Сергей РУЛЕВ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ И ОДИН ШАГ

(научно-фантастический рассказ)

Это случилось, когда Айвен уже возвращался на базу.

Автопилот начал набирать высоту, чтобы перескочить через перевал, и вдруг “стрекозу” тряхнуло так, что у треснувшегося лбом об обзорный экран Айвена искры посыпались из глаз.

Удар настолько ошеломил Айвена, что он очухался только в воздухе, болтаясь под куполом парашюта. Что случилось со “стрекозой”, он так и не понял. Но автоматика сработала безупречно: Айвен был выброшен вместе с креслом и теперь, медленно опускаясь, смотрел, как подхваченная воздушным потоком и бешено кувыр-кающаяся “стрекоза” приближается к земле.

Воздушным потоком! Айвен с беспокойством отметил, что его подхватил другой поток, и они со “стрекозой” с большой скоростью разлетаются в разные стороны. Аварийная радиостанция посылает сигналы бед-

ствия и координаты “стрекозы” – Айвен был в этом уверен, но он понял, что ему от этого будет очень мало пользы, если его отнесет от “стрекозы” километров на сорок. А может случиться, что и дальше.

Айвен взглянул на хронометр. Все правильно. До Второго восхода осталось чуть больше семи часов, и воздушные потоки находятся сейчас как раз в своей самой бешеной фазе. Так будет продолжаться до того момента, когда край голубого светила не покажется над горизонтом. Вот тогда начнется ад, который будет продолжаться сорок три часа и семнадцать минут. Поверхность планеты будет поджариваться в лучах голубого гиганта, который своим ослепляющим смертоносным сиянием затмит красное солнце, висящее сейчас над головой.

Айвен посмотрел в ту сторону, куда поток уносил “стрекозу”. Где-то в районе горизонта поднимался дымный грибок. “Отлеталась”, – невесело подумал Айвен.

До поверхности уже остались считанные метры. Айвен приготовился к приземлению. Или приводнению – сказать трудно. Внизу простиралось болото, жить которому осталось всего семь часов. Когда взойдет голубое солнце, вода в нем закипит и испарится, а мох, точнее нечто, напоминающее мох, обуглится.

Айвен невольно подумал о том, как хрупка, но вынослива жизнь. Везде, по всей Вселенной. Через не-

сколько часов болото исчезнет, но жизнь в нем останется, она только затаится на время. Болотное зверье уже начинает зарываться в мох, чтобы потом, когда его верхний слой обуглится и оплавится, образовав твердую и абсолютно непроницаемую корку, уснуть и выпастыся. Конечно, кому-то не повезет, и только пепел останется от того, что когда-то было живым существом. Но оставшиеся, как только голубое солнце зайдет за горизонт, и на землю упадет вся испарившаяся влага, оставшиеся разобьют свои коконы, вылезая на свободу, снова заалет восстанавливающий потерянное мох, снова начнется круговерть жизни... До следующего Второго восхода через триста двадцать два часа. А потом все повторится снова. Так прошли века, и еще века пройдут так же. Пока не случится что-нибудь из ряда вон выходящее. Но и тогда, скорее всего, жизнь не погибнет совсем, а приспособится к новым условиям... До нового из ряда вон выходящего события.

Пружинящий толчок прервал философские рассуждения Айвена. Кочка, покрытая толстым слоем мха, мягко прогнулась, и кресло утонуло в этом красном бархате по самые подлокотники.

Айвен отстегнулся и вылез из кресла. Теперь ему предстояло подумать о том, что делать дальше. От места падения “стрекозы” его отделяет километров пятьдесят, никак не меньше. А от базы километров девять, никак не больше. Воздушный поток поднес его к самому подножью перевала – тут Айвену несомненно круто повезло. Итак, оставаться ждать, пока его не найдут, или идти самому? Айвен не раздумывал долго – конечно идти! Вдруг поиск затянется, и тогда ему конец – ведь он не умеет закапываться в мох, как вся местная болотная живность. К тому же девять километров, примерно один по болоту, два крутого подъема и шесть пологого спуска – это не так уж и много. Всего десять тысяч шагов и два с половиной – три часа потраченного времени. Айвен глянул на хронометр – в его распоряжении шесть часов пятьдесят минут. Он будет на базе гораздо раньше Второго восхода.

Вылезая из кресла, Айвен очутился по пояс во мху. Опора под ногами была явно не из самых твердых. Айвен сделал первый шаг, затем второй. Идти было труднее чем в воде. С некоторым сомнением оглянувшись на кресло, Айвен все-таки сделал следующий шаг. Он не привык менять своих решений. Просто к предполагаемому ранее трем часам прогулки он добавил час-полтора. Все равно он успеет.

Болотные испарения становились все плотнее. Айвен понял, что скоро начнет задыхаться. Нужно как можно быстрее выбираться из этого проклятого болота. Он посмотрел вперед. До каменистой осыпи перевала оставалось метров двести. Двести метров! Айвен на минуту остановился, чтобы перевести дух.

Господи, он и не подозревал, что это будет так трудно.

Все время тонущие и путающиеся во мху ноги гудели и стали такими тяжелыми, словно их налили свинцом. Сердце билось так, словно совсем хотело покинуть пространство, именуемое грудной клеткой. Недостаток кислорода из-за густых испарений туманил мозги.

Айвен еще раз посмотрел в сторону перевала и решительно двинулся вперед.

Он шел и уже не чувствовал ног. “Сейчас упаду, сейчас упаду”, – билась в голове единственная мысль. Но он не падал. Он просто не имел права падать. Едкий пот жгучей волной заливал глаза. Время от времени совершенно бессознательно и чисто автоматически поднималась рука, чтобы вытереть его.

Двойной туман – в голове и перед глазами – мешал видеть. Несколько раз из-за этого Айвен чуть не влетал в лужи, которые временами попадались по пути. Возможно, и не было бы ничего страшного, если бы он шел по ним, но Айвен не решался рисковать, он предпочитал обходить их. А это отнимало и время, и силы.

Айвену ужасно хотелось упасть и отдохнуть, но после такого отдыха он мог бы уже не подняться, поэтому он упрямо продолжал идти вперед, приближая к себе каменистую осыпь.

Но он все равно упал. Правая нога запуталась в стеблях, Айвен потерял равновесие и, неловко подвернув левую ногу, зарылся лицом в мох.

Боль пришла не сразу. Он уже встал и сделал несколько шагов, когда она парализующей волной захлестнула его. Айвен присел и противно дрожащими руками ощупал ступню. Сустав и ступня опухли, и малейшее прикосновение к ним вызывало новую волну боли.

Айвен хрипло выругался. Только этого ему сейчас и не хватало! И это когда до края болота остались считанные метры!

Осторожно, стараясь как можно меньше опираться на поврежденную ногу, он пошел дальше.

Но вот, до нереальности неожиданно, под ногами вместо мха оказались камни. Из глотки Айвена вырвался хриплый вздох. Могло показаться чудом, что болото осталось позади.

Айвен жадно ловил ртом воздух. Теперь скорее прочь от этого проклятого болотного тумана! Сделав еще несколько шагов, точнее, скачков, потому что левая нога бессильно волочилась, он рухнул на камни.

Айвен очнулся от пульсирующей боли в ноге.

Черт возьми! Сколько он пролежал без сознания?

Хронометр показывал, что до Второго восхода осталось четыре часа пятнадцать минут. Будь Айвен в нормальном состоянии, этого хватило бы за глаза. Но нога...

Айвен еще раз ощупал сустав. Ничего утешительного. Скорее всего, вывих. Что делать?

Остаться здесь или ковылять дальше? С одной стороны, он может не успеть дойти сам, но с другой стороны, если его до сих пор не нашли, то могут не найти и в дальнейшем. Выбора практически нет.

Оторвав кусок рукава комбинезона, Айвен, зубным скрипом сдерживая боль, перетянул ногу.

С трудом поднявшись, он посмотрел вверх. Впереди почти два километра подъема. Ничего, утешил себя Айвен, на спуске будет полегче. Еще раз посмотрев на хронометр, он заковылял по каменистой осыпи.

Подъем, как и болото перед ним, остался позади, но он забрал у Айвена почти все силы. Только то, что дорога пошла на спуск, спасло Айвена от бессильного падения в забвенье. И все равно силы были на исходе. Временами он даже не шел, а полз, оставляя на камнях кровавые следы с ободранных рук. Горячий ветер бил, казалось, прямо в мозг, выветривая из него жалкие остатки мыслей. Айвен сейчас походил на человека ровно в своем движении механическая тележка.

Проход становился все уже. Вскоре он превратился в полуметровый карниз с вертикальной стеной слева и крутым обрывом справа.

Айвен не замечал странных следов, оставленных кем-то идущим впереди него. Не видел до тех пор, пока не столкнулся с этим кем-то почти нос к носу.

Существо сидело, перегородив весь карниз. Айвен пытался разглядеть его сквозь огненные сполохи, пляшущие в глазах.

Наконец ему удалось разглядеть существо, нагло перегородившее человеку путь к спасению. Это был “паук”. Таким земным именем наградили этого горного хищника первые исследователи. Он действительно походил на паука своим голово-туловищем и девятью многочисленными тонкими лапами. Что действительно отличало его от одноименного земного членистоногого, так это три почти человеческих глаза, расположенных по всей окружности головы-туловища. Один глаз сейчас смотрел прямо на Айвена.

Айвен тупо смотрел в этот глаз, в котором виделось только жестокое безразличие хищника с примесью первобытной злобы на все.

Айвен поднял взгляд: карниз заканчивался буквально через десять – пятнадцать метров, за которыми лежала плоскогорная равнина. И там, совсем рукой подать, виднелись строения базы.

Айвен снова посмотрел на паука. На этот раз почти с отчаянием. Тот явно не собирался уступать дорогу человеку. Как глупо затормозиться здесь, почти у самого порога базы! Можно не надеяться, что его светлый комбинезон заметят на таком же светлом фоне скалы.

И тут Айвен вспомнил.

Рука его потянулась к кобуре на поясе, и пальцы сжали рукоять бластера. Всего один выстрел – и путь будет свободен. Айвен поднял бластер.

И тут он увидел нечто, от чего его рука сразу опустилась.

Паук просто не мог освободить дорогу человеку, потому что семь из девяти его лап были искалечены. Скорее всего, паук сорвался со скалы и упал на карниз. Он полз до тех пор, пока у него были силы. Теперь они кончились, и он покорно ждет смерти от лучей голубого светила.

Айвен расхохотался и отшвырнул бластер. После такой “прогулки” он не может, НЕ МОЖЕТ убить это существо.

Айвен устало присел на корточки, чуть отставив в сторону большую ногу. Теперь и он тоже будет сидеть здесь и покорно ждать Второго восхода.

Это надо же! Он прошел десять тысяч шагов и оказался не в силах сделать всего один. А ведь спасение было так близко!

Хронометр показывал, что до Второго восхода осталось сорок три минуты.

Айвен снова расхохотался. Но кто сможет осудить за истерику человека, оказавшегося в такой ситуации.

Айвен не видел, как бесстрастное выражение глаз паука на долю секунды сменилось чем-то ужасно похожим на удивление, но это выражение тут же исчезло.

Из носа Айвена двумя ручьями хлынула кровь. Жара все-таки достала его. Он смеялся, всхлипывая и выплевывая кровавые сгустки.

Так, продолжая смеяться, он потерял сознание.

Свет бил сквозь сомкнутые веки.

“Второй восход, – пронеслось в голове Айвена, – почему я до сих пор жив?”

Тело непроизвольно напряглось в ожидании удара обжигающей волны.

Но ничего не происходило.

Постепенно Айвен начал расслабляться.

Наконец он решил открыть глаза.

Белый потолок и свет от ламп. Боже! Как он бьет по глазам!

Айвен снова закрыл глаза.

– Наконец-то ты очнулся. Не открывай глаза, у тебя был световой шок. Сейчас я уберу свет. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – Айвен словно со стороны услышал свой хриплый голос.

– Тим, – Айвен по голосу определил, что рядом с ним был врач базы. – Тим, как вы нашли меня?

– Это было несложно, – в голосе Тима слышалось удивление. – Тебе не хватило сил буквально на один шаг до шлюза.

Айвену показалось, что он ослышался. Он что-то хотел сказать, но не смог разлепить губы. Неужели встреча на карнизе – всего лишь галлюцинация?

– Тебе повезло, – продолжал Тим, – Мы все вылетели на твои поиски, но около обломков “стрекозы” не было никаких следов. Мы вели поиски, пока это было возможно. Мы уже потеряли надежду и возвращались на базу, когда увидели тебя, лежащего буквально в метре от дверей шлюза. Повезло же тебе в том, что мы спугнули шестерых пауков. Возможно, подлети мы чуть позже, и ты стал бы их обедом. Или завтраком. Не знаю, что там у них значилось по расписанию.

Теперь Айвен все понял. Все-таки встреча на карнизе не была бредом.

– Кстати, нога тебя не беспокоит? – Поинтересовался Тим.

В голове Айвена носилось столько мыслей, что он даже не понял вопроса. Чисто автоматически он ответил:

– Нисколько.

Алексей МИЛЬКОВ

КИБЕРПАНК, ХОРРОР, ФЭНТЕЗИ И... ШЕКЛИ

(статья)

В №3 за 97 г. журнал “Если” в своем опроснике разделил фантастику на множество направлений и спрашивает читателей, какие из них им нравятся, каким отдают предпочтение? Направлений много. Это хорошо. Плохо одно. В любом виде деятельности шагу нельзя ступить, чтобы не натолкнуться на знаменитое имя, будь то метод, способ, формула, закон, открытие – всё носит имя первооткрывателя или внесшего наибольший вклад. Всё имеет и знает свое имя, всему есть своя предтеча.

Этимология – наука серьезная. В поэзии существуют сонеты, хокку, газели. В технике – шкворни, коромысла, коленчатые валы. Откуда берутся названия слов и термины? По корням, по ассоциациям. Все слова отработано, привычно, естественно для нас звучат и в нашем сознании расставляют накопленные знания по своим полочкам.

Киберпанк, хоррор, фэнтези удачно придуманные названия. Оскорбляет одно, что НФ (научная фантастика) – старая, добрая НФ – почему-то безымянная. Дошло до того, что ее за неимением лучшего называют жесткой, твердой.

Это ли не злопыхательство по отношению к фантастике, не вчера родившейся!

Возможно, в суматохе популярности фантастики был упущен этот момент, и теперь приоритеты искать трудно. Возможно. Но твердая, жесткая фантастика вопиет, просится выделиться в отдельную, чистую, собственную

категорию, подальше от своих незванных, хлопотливых братьев, невесть как и почему присоседившихся к ней (в меньшей степени киберпанк, в большей – хоррор, а ещё в большей – фэнтези), и прожорливо поглотивших её как песчинку. Скоро читатели совсем забудут словосочетание НФ. Поэтому надо срочно к волшебным сказкам отнести фэнтези, отправить к Хичкоку хоррор. Только сделать снисхождение киберпанку и ввести его в состав НФ. Остальные направления не имеют права носить славное имя НФ.

Но, спрашивается, кто претендует дать свое имя этому направлению? Прежде всего, писатель. Встречаются же факты, когда произведения называются “берроузами”. Писателей много, но не каждый этого достоин. Особо хочется поговорить о Роберте Шекли, о его специфическом характерном творчестве. Рассмотреть, например, его рассказы: “Я и мои шпики”, “Проблема туземцев”, “Билет на планету Транай”, “Ордер на убийство”, которые кочуют из сборника в сборник. Кто ещё может этим похвастаться! Что ни рассказ – то шедевр. Это мировые вершины фантастического творчества, и именно, самой НФ, так коряво называемой сегодня: твердой, жесткой.

Кто является предтечей своеобразного творчества Шекли? Только он сам. До него – никого. После него – никого.

У других направлений сколько угодно последователей. Самый раз задать вопрос: сколь-

ко на свете писателей-толкинистов, берроузов? Ответ однозначен: сколько угодно. А Шекли? Один! Ну, может, советский фантаст шестидесятых годов Илья Варшавский приближается к нему.

Почему такое острое положение вещей? Трудное направление? Да, такие образцы литературы пишутся экспрессивно, элегантно, по велению сердца. А это надо родиться Шекли. Его рассказы с непревзойденным ярким искрометным стилем, с вечно молодым юмором, с математической точностью доведены до эстетичности, выписаны как на картинах художников-сюрреалистов до последнего мазка и могут быть отнесены к шахматным этюдам.

Читатели *плавают* от его ударных концовок. У Шекли они обязательный атрибут, наглядное пособие как надо писать, принцип писательской этики по отношению к читателю: медленно, по восходящей, по нарастающей, нагнетая обстановку, подводить к определенной мысли, а потом ошарашивать неожиданным поворотом в сюжете, от резкого воздействия которого читатель может потерять сознание. Все произведения, написанные не по такому принципу, должны считаться незавершенными произведениями.

Каждый писатель есть выходец из того или иного направления.

А Шекли с его единственностью и неповторимостью?

Ему, равному только себе, еще не дали должную оценку, достойную его места в фантастике. Он сам не стоит монументом, но его пустой постамент, тем не менее, не может занять никто.

Можно ли говорить о некоем феномене Роберта Шекли? Да, можно.

Кто из писателей по зрелищности, легкости стиля, непринужденности, яркости, углубленности, убежденности может сравниться с ним? Никто!

Кого из писателей-фантастов сегодня я, как рядовой читатель, “проглатываю” по многу раз?

Только Шекли.

Кто-нибудь скажет, что Шекли не получил достаточно премий Хьюго, Ньюбелла. На что можно ответить, что те писатели, которые получили их наибольшее количество, тем не менее, не имеют того решающего значения в мире, которое зарезервировал за собой мало премированный Шекли.

Пусть каждый фантаст вынесет на суд читателей свой лучший рассказ. Без сомнения, на первом месте будет обязательно рассказ Шекли. А из тех, что войдут в мировую десятку, минимум, будут 6 рассказов Шекли. Такие, как “Я и мои шпики”, “Проблема туземцев”, будто специально просятся, чтобы побеждать в конкурсах, которые, жаль, не проводятся. Но надвигается Интернет, который расставит всех писателей по местам.

Так давайте в счет заслуг Роберта Шекли перед фантастикой отдадим ему дань признания и уважения, выделим во всей фантастике ему нишу и назовем жесткую, твердую НФ – “шекли”. Красивое, непритязательное слово, простенькое, со вкусом. Думается, вся фантастика только выиграет. Как хорошо, когда о каком-нибудь писателе критики скажут, что он написал очередное “шекли”.

Что, интересно, думают писатели и читатели по этому поводу и поддержат ли они такое предложение?

НАШЕ НЕТРАДИЦИОННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Три года журнал “Ухта литературная” активно, планомерно и целенаправленно борется за сознание своего читателя, перетягивая его у других солидных и толстых журналов.

Но, оказывается, читатели интересуются не только авторами и их произведениями, но и кругом чтения своих братьев по занятию, в частности, первых лиц нашего города.

Читатели желают услышать от них ответы на три вопроса:

- 1. Находите ли вы время для чтения художественной литературы?**
- 2. Ваш любимый жанр литературы?**
- 3. Любите – не любите ли вы фантастику и за что?**

Сегодня в нашу гостиную согласились прийти:

Лепке Герман Николаевич,

Генеральный директор

Коми территориального управления ОАО “ЛУКОЙЛ”

1. Работа, работа, работа! Что не остается моральных сил.
2. Классика, историческая литература с военным уклоном. “Порт-Артур” Степанова, весь Пикуль.
3. Пик пристрастия к ней у меня пришелся в 18-19 лет. Перечитал Азимова, Стругацких, Казанцева “Фазты”. Фантастика – особый жанр, характерный пророческими произведениями, идеи которых рано или поздно осуществляются. Человек лучше готов к принятию нестандартных решений, и за это ей спасибо.

Кирушев Виктор Васильевич,

Управляющий “ГАЗПРОМБАНК”

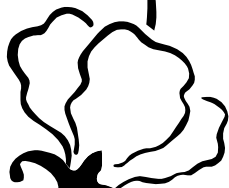
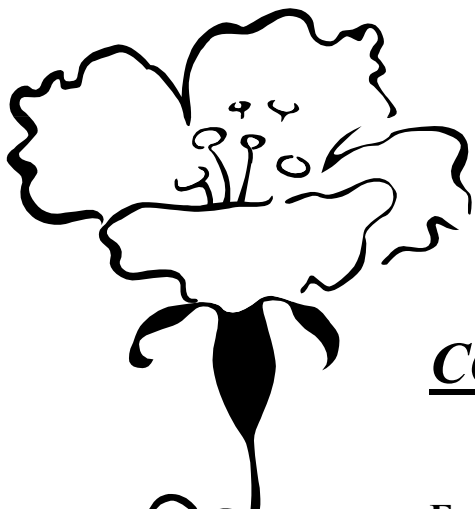
1. Нахожу, но обычно не очень много перед сном и в выходные дни.
2. Детектив, любовный роман, все, что без “крутых” наворотов.
3. Очень любил фантастику с 6 до 15 лет. Сейчас больше реалист, хотя немного завидую взрослым “фантазерам”.

Ростовщиков Владимир Борисович,

Генеральный директор ОАО “СЕВЕРГЕОФИЗИКА”

1. В самолете (командировки и отпуск).
2. Стихи и детективы. Стихи – за красоту, а детективы – за незапоминаемость (голову не забывают).
3. Люблю, потому что она отличается от реальности.

P.S. Даже по лаконичным и лапидарным ответам видно, что свободное время для крупных руководителей трансцендентально, то есть, труднодоступно.

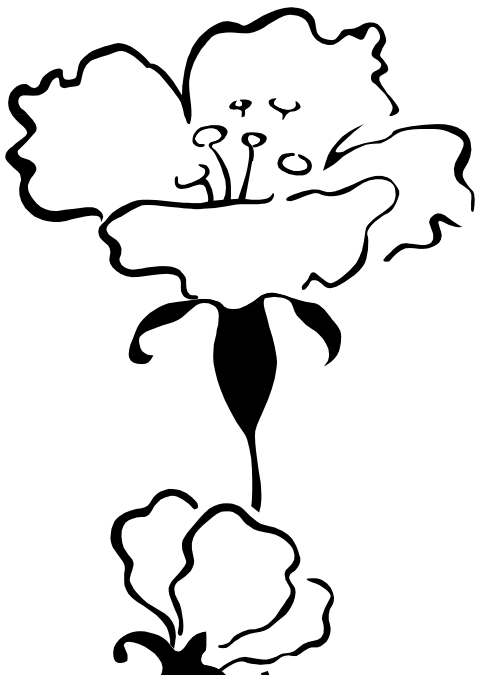
СОДЕРЖАНИЕ

Евгений ПТУХИН , председатель МКЛФ Последние 2 года наблюдается повышенный интерес к фантастике (<i>интервью</i>)	2 стр.
Алексей МИЛЬКОВ (<i>НФ рассказы</i>)	
Драма в космосе	8
Киллеры	11
Возвращение в жизнь Владимира Бигвистера	16
ПЕРСОНАЛИИ	20
Сергей РУЛЕВ (<i>НФ рассказы</i>)	
Такси	21
Десять тысяч и один шаг	25
Алексей МИЛЬКОВ (<i>статья</i>)	
Киберпанк, хоррор, фэнтези и... шекли	28
Наше нетрадиционное интервью (Г.Н. Лепке, В.В.Кирушев, В.Б.Ростовщиков)	30
Художник Мигунов (Неопубликованные иллюстрации к произведениям Стругацких)	

Литературно-критический журнал "Ухта литературная"

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95

Главной своей задачей члены УКЛФ (Ухтинского клуба любителей фантастики) считают:

1. Воспитание влюбленности в научную фантастику, как наиболее отличительную особенность всякого уважающего себя интеллектуала.
2. Забыть о социалистическом реализме, как о наиболее вредном, закрепощающем литературном методе.
3. Применять только один наркотик, уносящий в другие миры — это фантастику.
4. Объединяться! Объединяться! Объединяться!

Отпечатано при содействии
ОАО “ЛУКОЙЛ Ухтанефтепереработка” (УНПЗ)
Генеральный директор Клеонский И.Г.